

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 20, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические науки

- Петров А. А.* Тенденции декодификации в современном российском законодательстве 5
- Соколова Е. С.* Политико-юридические факторы легитимации российского самодержавия и средневековой модели законности на Земском соборе 1613 года 15
- Зарубина К. А.* Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в Советской России в 1917–20-е годы 24

Частноправовые (цивилистические) науки

- Лисица В. Н., Семенов Д. Е.* Ценообразование в сфере теплоснабжения как инструмент обеспечения баланса частных и публичных интересов 32
- Громоздина М. В.* Правовая динамика отношений родителей и детей 44
- Зыков С. В.* Синдром родительского отчуждения (PAS) как вызов российскому семейному праву 52

Уголовно-правовые науки

- Боровских Р. Н., Шмыгина О. В.* Угроза как уголовно-правовая категория 64
- Кочедыкова В. М.* Рейдерство: уголовно-правовой аспект 71
- Шпак А. А.* Криминальный сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте»: криминологический анализ 76

- Информация для авторов 83

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2024. Volume 20, № 1

CONTENTS

Theoretical and Historical Sciences

<i>Petrov A. A.</i> Decodification Trends in Modern Russian Legislation	5
<i>Sokolova E. S.</i> Political and Legal Factors of the Legitimization of the Russian Autocracy and the Medieval Model of Legality at the Zemsky Sobor in 1613	15
<i>Zarubina K. A.</i> The Criminal Law Foundations of the Fight against Professional Crime in Soviet Russia in the 1917-1920s	24

Private Law (Civilistic) Sciences

<i>Lisitsa V. N., Semenov D. E.</i> Price Formation in the Heat Supply Sphere as a Measure to Balance the Private and Public Interests	32
<i>Gromozdina M. V.</i> Legal Dynamics of Parent-Child Relationships	44
<i>Zykov S. V.</i> Parental Alienation Syndrome (PAS) as a Challenge to Russian Family Law	52

Criminal law Sciences

<i>Borovskikh R. N., Shmygina O. V.</i> Threat as a Criminal Law Category	64
<i>Kochedykova V. M.</i> Raiding: Criminal Legal Aspect	71
<i>Shpak A. A.</i> The Crime Series «The Word of a Kid. Blood on the asphalt»: Criminological Analysis	76

Instructions for Contributors	83
-------------------------------	----

Editor in Chief V. N. Lisitsa Associate Editor N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin, G. M.
Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence
Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 340.130.54

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14

Тенденции декодификации в современном российском законодательстве

Алексей Александрович Петров

Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

petrov-a-irk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

Аннотация

В статье на примерах из законодательной практики показано, что в целом ряде отраслей российского законодательства (гражданском, налоговом, административно-деликтном и др.) протекают декодификационные процессы разной степени интенсивности. Они проявляются в принятии федеральных законов, подрывающих ведущую, систематизирующую роль кодексов в системе правового регулирования. Отмечается, что в разных отраслях федерального законодательства сложились разные формы декодификации (принятие законов, не соответствующих кодексам; ограничение действия кодексов ординарными законами; установление разовых исключений из общего кодифицированного режима регулирования; необоснованно многочисленные исключения из требований общей части кодекса; нарушение границы регулирования между кодексом и законом о введении кодекса в действие; отступление от принципа полной кодификации и т. п.). Учитывая, что декодификация не только оказывает разрушительное воздействие на целостность системы законодательства, но и подрывает доверие к действиям государства, сделан вывод о необходимости выработки мер по повышению стабильности кодовой части законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова

кодекс, кодификация, отрасль законодательства, федеральный закон, введение в действие, юридическая техника, декодификация

Для цитирования

Петров А. А. Тенденции декодификации в современном российском законодательстве // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 5–14. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14

Decodification Trends in Modern Russian Legislation

Aleksei A. Petrov

Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation

petrov-a-irk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

Abstract

The article uses examples from legislative practice to show that in a number of branches of Russian legislation (civil, tax, administrative-tort, etc.) decodification processes of varying degrees of intensity occur. Their manifestation is the numerous cases of the adoption of federal laws that undermine the leading, systematizing role of codes in the system of legal regulation. It is noted that in different branches of federal legislation, different forms of decodification have developed (the adoption of laws that do not comply with the codes; restriction of the operation of codes by ordinary laws; the establishment of one-time exceptions from the general codified regulatory regime; unreasonably numerous exceptions from the requirements of the general part of the code; violation of the regulatory boundary between the code and law on the introduction of the code; deviation from the principle of complete codification, etc.). Considering that decodification

© Петров А. А., 2024

not only has a destructive impact on the integrity of the legislative system, but also undermines confidence in the actions of the state, it was concluded that it is necessary to develop measures to increase the stability of the code part of the legislation of the Russian Federation.

Keywords

Code, codification, branch of legislation, the federal law, implementation, legal technology, decodification

For citation

Petrov A. A. Decodification trends in modern Russian legislation. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 5–14. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14

Кодификация традиционно рассматривается как один из важнейших механизмов обеспечения системности правового регулирования. Будучи разновидностью деятельности по систематизации в праве, кодификация обеспечивает эффективность правового регулирования, создает условия для упорядочения правоприменения [1, с. 491–492]. Отдельные ученые рассматривают кодификацию как наиболее совершенную форму систематизации нормативных актов [2, с. 37].

Обоснованно отмечается, что назрела необходимость в разработке теории кодекса, которая бы «осветила» его сущность, место среди других правовых актов, пределы и сферы применения [3, с. 23].

Вопросы качества кодифицированных актов, несомненно, приобретают дополнительную актуальность в настоящее время, когда в силу различных социальных, экономических и политических факторов правовое регулирование является чрезвычайно подвижным, изменчивым. Значение кодексов для развития отечественного законодательства на нынешнем этапе не оспаривается, более того, оно подчеркивается и самим законодателем (например, посредством закрепления в некоторых кодексах специальных правил о порядке внесения изменений в них; см., в частности, п. 2.1 ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, ст. 8 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»²). Вместе с тем в последние годы в целом ряде таких отраслей российского законодательства обозначились тенденции к эрозии их кодифицированных основ. Фактически по ряду направлений происходит постепенная декодификация правового регулирования, в том числе и в тех сферах, где еще недавно такого нельзя было даже представить.

1. Гражданское законодательство

Отечественное гражданское законодательство в силу огромного объема своего нормативного материала никогда не стремилось к полной кодификации. Как показывает мировой опыт, попытки осуществить такую кодификацию порождают настоящих монстров – например, Прусское общеземское уложение 1794 г. состояло из 19 208 статей, по поводу чего тогдашний король Пруссии заметил: «Но он [Закон] слишком велик, а законам подобает быть краткими!» [4, с. 408].

В силу этого возможность принятия федеральных законов, которые детализируют положения ГК и даже вводят новые правовые конструкции, прямо им не предусмотренные, не может отрицаться. В соответствии с ч. 2 ст. 3 ГК гражданское законодательство состоит из самого ГК и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих отношения, составляющие предмет гражданского законодательства на основании п. 1 и 2 ст. 2 ГК; при этом нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК. В науке и на практике вопрос о соотношении ГК и других федеральных законов воспринимается как дискуссионный [5, с. 359–364; 6, с. 196–201]. Однако какие бы дискуссии по этому

¹ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

вопросу ни велись, они имеют свои пределы – предписание ч. 2 ст. 3 ГК не может рассматриваться как не имеющее регулирующего значения.

Следует отдельно обратить внимание на то, что возможность принятия гражданских законов вне ГК не обязательно должна быть прямо предусмотрена положениями самого ГК. Главным условием принятия таких законов является их соответствие ГК. Например, законодатель вправе посредством принятия отдельного федерального закона ввести новый вид гражданско-правового договора, не предусмотренный частью второй ГК, – такая возможность следует, в частности, из закрепленного в ч. 2 ст. 421 ГК принципа свободы договора, согласно которому стороны могут заключить договор, не предусмотренный частью второй ГК (в качестве примера можно привести договоры государственно-частного и муниципально-частного партнерства³). Однако таким путем нельзя предусмотреть возможность создания юридических лиц в организационно-правовой форме, не названной в п. 2 и 3 ст. 50 ГК, поскольку из этих предписаний с очевидностью следует, что закрепленный ими перечень организационно-правовых форм юридических лиц является исчерпывающим и может быть изменен только посредством внесения изменений в сам ГК.

Законодатель, между тем, далеко не всегда действует в рамках, определенных ч. 2 ст. 3 ГК. Более того, в законодательной практике сложились отдельные формы нарушения ограничений, наложенных на регулирование гражданских правоотношений федеральными законами вне ГК, наибольшее распространение из которых получили две:

– указание на то, что ГК в целом или конкретные его положения применяются к регулированию определенных правоотношений с учетом положений вновь принятого федерального закона или в части, не противоречащей ему. Например, в силу п. 21 ст. 51.3 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁴ к договору репо применяются соответственно общие положения ГК о купле-продаже, если это не противоречит правилам настоящей статьи и существу договора репо. Положения ГК применяются в отношении экономически значимых организаций и лиц, прямо или косвенно владеющих акциями (долями в уставном капитале) таких организаций, с учетом особенностей, установленных Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» (ч. 2 ст. 13 названного Закона)⁵. На основании ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ статус, цели деятельности, функции фонда и порядок формирования его органов управления определяются ГК и иными нормативными правовыми актами о некоммерческих организациях с учетом особенностей, установленных названным законом;

– указание на то, что ГК в целом или конкретные его положения не применяются к регулированию определенных правоотношений. Так, ч. 18 ст. 12 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О приватизации государственного и муниципального имущества”», отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений»⁷ устанавливает, что при преобразовании филиала (представительства) иностранного юридического лица в хозяйственное общество положения ст. 306 и главы 60 ГК не применяются. В силу п. 10

³ Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (Ч. I). Ст. 4350.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

⁵ СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6202.

⁶ СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4765.

⁷ СЗ РФ. 2022. № 29 (Ч. III). Ст. 5287.

ст. 8 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁸ в отношении религиозных организаций положения п. 5 ст. 50 и ст. 53.1 ГК не применяются.

Подобные оговорки в большом количестве встречаются в федеральных законах, регулирующих правовое положение отдельных юридических лиц. Например, согласно ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации»⁹ при реорганизации Фонда правила, установленные абзацем третьим п. 4 ст. 57 и ст. 60 ГК, не применяются, согласие кредиторов на перевод их требований не требуется.

Антикризисное законодательство в отдельных случаях допускает возможность установления правил о неприменении ГК даже посредством принятия подзаконных актов (см., напр., п. 13 ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰, на основании которого Правительство Российской Федерации в 2022 и 2023 гг. вправе принимать решения, предусматривающие перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения ГК о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы).

2. Законодательство о налогах и сборах

Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации (далее – НК РФ)¹¹, законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из НК и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах (п. 1 ст. 1). Значение НК определяется предметом его регулирования, который в силу п. 2 ст. 1 состоит в установлении системы налогов и сборов, страховых взносов и принципов обложения страховыми взносами, а также общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации, включая определение видов взимаемых в Российской Федерации налогов и сборов, установление оснований возникновения (изменения, прекращения) и порядка исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов и т. д.

Особое место НК в системе законодательства Российской Федерации о налогах и сборах подчеркивается также правилом п. 7 ст. 1, на основании которого внесение изменений в законодательство Российской Федерации о налогах и сборах, а также приостановление, отмена или признание утратившими силу положений актов законодательства Российской Федерации о налогах и сборах осуществляются отдельными федеральными законами и не могут быть включены в тексты федеральных законов, изменяющих (приостанавливающих, отменяющих, признающих утратившими силу) другие законодательные акты Российской Федерации или содержащих самостоятельный предмет правового регулирования. Здесь следует заметить, что аргументированная критика против включения положений, регулирующих вопросы налогообложения, в «неналоговые» законы высказывалась еще задолго до принятия НК [7, с. 268–273].

Приведенные законоположения в совокупности устанавливают структуру законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, исходя из главенствующей роли НК. Если предмет гражданского законодательства устанавливается для всей этой отрасли в целом (п. 1 и 2 ст. 2 ГК), то в случае с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах картина иная – определяя предмет регулирования НК, законодатель тем самым исключает регулирование соответствующих правоотношений иными федеральными законами (п. 2 ст. 1 НК).

⁸ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁹ СЗ РФ. 2022. № 29 (Ч. I). Ст. 5203.

¹⁰ СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596.

¹¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

Этот подход призван способствовать возможно более полной кодификации налогового регулирования. Следует заметить, что хотя п. 1 ст. 1 НК и предусматривает возможность принятия иных, помимо самого НК, федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах, но такие законы почти во всех случаях охватываются предметом регулирования НК, а значит, должны представлять собой законы о внесении изменений в НК.

Впоследствии, однако, сложившаяся структура законодательного регулирования в налоговой сфере стала меняться. Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹² ст. 1 НК была дополнена п. 8, на основании которого федеральными законами может быть предусмотрено проведение в течение ограниченного периода времени на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации, муниципальных образований экспериментов по установлению налогов, сборов, специальных налоговых режимов; правоотношения, возникающие в ходе проведения указанных экспериментов, регулируются законодательством о налогах и сборах с учетом особенностей, установленных федеральными законами о проведении экспериментов. Тем самым стало допускаться принятие федеральных законов, регулирующих хотя и те же отношения, что сам НК, но не обязательно в соответствии с НК. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹³.

Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 270 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»¹⁴ включил в ст. 1 НК новую часть 9, которая предусмотрела возможность установления федеральными законами налогов разового характера; соответствующие правоотношения регулируются законодательством Российской Федерации о налогах и сборах с учетом особенностей, установленных такими федеральными законами; в частности, при установлении налогов разового характера может предусматриваться особый порядок определения элементов налогообложения. Эта возможность реализована в Федеральном законе от 4 августа 2023 г. № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль»¹⁵. Нельзя не отметить, что, хотя оба названных федеральных закона были приняты одновременно и по существу представляют собой единое законодательное решение, Федеральный закон о конкретном разовом налоге некорректно получил более ранний номер, чем закон, предусмотревший саму возможность введения разовых налогов в НК; налицо неаккуратность законодателя в обращении с кодексами.

3. Земельное и лесное законодательство, законодательство о градостроительной деятельности

Эти три отрасли законодательства в рамках настоящей статьи рассматриваются совместно, поскольку значительную (на наш взгляд – негативную) роль в развитии их структуры играют федеральные законы о введении в действие соответствующих кодексов – Земельного¹⁶, Лесного¹⁷ и Градостроительного¹⁸.

¹² СЗ РФ. 2018. № 49 (Ч. I). Ст. 7497.

¹³ СЗ РФ. 2018. № 49 (Ч. I). Ст. 7494.

¹⁴ СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6147.

¹⁵ СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6146.

¹⁶ Федеральный закон от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4148.

¹⁷ Федеральный закон от 4 декабря 2006 года № 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.

¹⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. I). Ст. 17.

Вводные законы к кодексам являются по своей природе актами переходного регулирования и в этом качестве призваны обеспечить именно процесс введения кодексов в действие, а не долгосрочное правовое воздействие на отношения в пределах соответствующей отрасли. Однако в реальной правовой действительности вводные законы зачастую играют практически такую же важную роль, как и сами кодексы. Многие положения вводных законов, даже изначально сформулированные в виде переходных норм, по существу, превратились в постоянно действующие правила в силу сложности и затянутости процессов, направленных на переход от прежнего отраслевого правового режима к новому. Наконец, законодательная практика свидетельствует о том, что вводные законы стали рассматриваться законодателем как безразмерное хранилище предписаний, которые по тем или иным причинам не включаются в кодексы непосредственно.

Не вдаваясь в детальный анализ содержания вводных законов к Земельному, Лесному и Градостроительному кодексам, что само по себе заслуживает отдельного достаточно объемного исследования, выделим ряд признаков декодификационных процессов в соответствующих отраслях:

- включение в вводные законы норм, которые закрепляют основы правового регулирования в соответствующих сферах и действие которых во времени не ограничено определенным сроком или наступлением определенного события (совершением определенных действий, принятием решений органами публичной власти). Так, ст. 3 Вводного закона к ЛК установлено, что земли лесного фонда находятся в федеральной собственности. Другой пример – комплекс положений Вводного закона к ЗК, регулирующих вопросы разграничения государственной собственности на землю (ст. 3.1, 3.3–3.5); этот процесс продолжается более тридцати лет и фактически носит перманентный характер, что уже не позволяет рассматривать указанные законоположения как носящие переходный характер;

- включение в вводные законы оговорок о неприменении либо об особенностях применения соответствующих кодексов к тем или иным правоотношениям. Такого рода оговорки вполне допустимы, но они определяют рамки предмета регулирования кодекса и потому должны включаться непосредственно в кодекс, а не в вводный закон к нему (например, ч. 2 ст. 4 Градостроительного кодекса Российской Федерации¹⁹, согласно которой к отношениям, связанным с принятием мер по обеспечению безопасности строительства, эксплуатации зданий, сооружений, сноса объектов капитального строительства, предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидации их последствий при осуществлении градостроительной деятельности, нормы законодательства о градостроительной деятельности применяются, если данные отношения не урегулированы иным законодательством). Между тем законодатель нередко ограничивает действие кодексов путем внесения изменений не в сами кодексы, а в вводные законы. В частности, в соответствии со ст. 10.7 Вводного закона к Градостроительному кодексу особенности осуществления градостроительной деятельности в связи с созданием территорий опережающего развития устанавливаются Федеральным законом «О территориях опережающего развития в Российской Федерации». Во Вводном законе к Градостроительному кодексу перечислено двадцать сфер общественных отношений, к которым Градостроительный кодекс Российской Федерации применяется с особенностями и ограничениями, которые определены другими федеральными законами. Следует также заметить, что такие оговорки часто включаются в вводные законы спустя много лет после принятия соответствующих кодексов.

¹⁹ СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 16.

4. Законодательство об административных правонарушениях

На федеральном уровне эта отрасль законодательства полностью кодифицирована: в соответствии с ч. 1 ст. 1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²⁰ законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. С внешней точки зрения это требование выполняется – федеральные законы, которые бы вводили административную ответственность, не внося при этом изменений в КоАП, не принимаются (хотя существует дискуссия по вопросу о том, как соотносятся с КоАП нормы главы 16 НК, устанавливающие виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение [8, с. 23–28]).

Однако даже поверхностное исследование практики корректировки КоАП свидетельствует о том, что его назначение как акта, призванного стабилизировать административно-деликтное законодательство, к настоящему времени практически не реализуется. Наиболее явное тому свидетельство – количество законов о внесении изменений в КоАП (их принято почти восемьсот; подчеркнем, что речь о количестве всего лишь законов о внесении изменений в КоАП, а не самих изменений). Ни один кодекс – да, пожалуй, ни один федеральный законодательный акт вообще – не подвергался и не подвергается корректировке в таких масштабах. И если динамичность содержания Особенной части КоАП еще можно в целом оправдать динамичным развитием нормативного регулирования (следует помнить, что нормы КоАП являются по своей природе охранительными, т. е. вторичными по отношению к отраслевому законодательству и обеспечивают его надлежащую реализацию), то чрезмерная изменчивость его раздела I «Общие положения» не поддается разумному осмыслению. Не входя в полный анализ этой темы, выделим лишь два признака «декодификации изнутри», характерной для КоАП:

– в первоначальной редакции раздел I КоАП состоял из 35 статей, включавших в совокупности 93 части, а сейчас таких статей 43 (171 часть). Этот рост был достигнут в значительной степени за счет введения в общее регулирование административной ответственности многочисленных норм-исключений из ранее установленных правил (прежде всего, в части особых условий применения мер административной ответственности в отношении различных категорий субъектов ответственности, оснований назначения отдельных видов административных наказаний). Даже если согласиться с обоснованностью таких законодательных решений, нарастание объема общих положений КоАП в столь значительных масштабах уже само по себе свидетельствует о существенном «расшатывании» несущих конструкций законодательства об административных правонарушениях, а это, в свою очередь, сказывается на правоприменительной практике, усложняя принятие решений по конкретным делам;

– в разделе I КоАП имеются положения, которые корректировались законодателем десятки раз, причем зачастую это происходило ради того, чтобы создать правовую основу под «точечные» изменения в его Особенной части. Среди таких положений можно выделить, например, примечание к статье 2.4, где содержится легальное определение понятия должностного лица (22 изменения), абзац первый ч. 1 ст. 3.5, определяющий предельные размеры административных штрафов в твердой денежной сумме (102 изменения), ч. 1 той же статьи (где количество способов определения размеров административных штрафов увеличилось с трех в первоначальной редакции КоАП до восемнадцати), а также ч. 1 ст. 4.5, которая устанавливает сроки давности привлечения к административной ответственности (91 изменение). Подобная практика деформирует структуру межнормативных связей внутри КоАП – фактически сейчас общие положения этого кодекса корректируются в основном «в угоду» Особенной части, в то время как нормальный подход к совершенствованию кодифицированных актов предполагает обратную зависимость.

²⁰ СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

5. Уголовное законодательство

Уголовное законодательство также является в Российской Федерации полностью кодифицированным: согласно ч. 1 ст. 1 и ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации оно состоит из названного Кодекса, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК. Предметом УК является установление основания и принципов уголовной ответственности, определение того, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и установление видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Как ни покажется удивительным, но признаки декодификации стали наблюдаться в последнее время даже в системе уголовно-правового регулирования. Если принятие федеральных законов об особенностях применения УК на территориях новых субъектов Российской Федерации²¹ можно объяснить и оправдать тем, что такое регулирование носит переходный и потому временный характер, то этого нельзя сказать о Федеральном законе от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»²². Названным Законом, как указано в его ст. 1, установлены правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Обращает на себя внимание явная несогласованность между названием указанного Федерального закона и предметом его регулирования, как он определен в его ст. 1 – периоды мобилизации и военного положения, а также состояние военного времени могут быть связаны не только с проведением текущей специальной военной операции. Именно поэтому принятие названного Федерального закона в качестве самостоятельного законодательного акта, без включения его положений в УК, не может быть оправдано временным характером его действия.

Приведенный в настоящей статье перечень примеров проявления процессов декодификации законодательства Российской Федерации не является исчерпывающим. Тем не менее их достаточно для того, чтобы констатировать тревожный факт – тенденции дезинтеграции кодексной части законодательства набирают обороты. Не отрицая полномочий законодателя по формированию и совершенствованию структуры правового регулирования, подчеркнем: любые законодательные решения должны быть обоснованными, причем как с точки зрения их содержания, так и формы. В примерах, которые были приведены, такая обоснованность обнаруживается далеко не всегда²³. Кодексы, несмотря на то что действуют не во всех сферах, являются несущими конструкциями для законодательства в целом, они в систематизированном виде задают ориентиры его развития и применения. Справедливо суждение о том, что кодификация всегда была инструментом для создания наиболее простой пониманию и применению системы законодательства, преодоления хаоса источников права [9, с. 15]. Декодификация же, напротив, свидетельствует о нивелировании законодательной стратегии в угоду кратковре-

²¹ См., например, Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2296.

²² СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4678.

²³ Следует оговорить, что сформулированные в настоящей статье критические замечания к отдельным законодательным решениям относятся именно к оформлению этих решений, а не к их содержанию. Последнее во многих случаях как раз может быть оправдано тактическими соображениями (например, необходимостью упрощения правового регулирования в рамках противодействия кризисам).

менным потребностям. В таких условиях структура законодательства становится менее определенной и менее предсказуемой, что подрывает принцип доверия к действиям государства. Один из возможных путей преодоления этих явлений состоит в организации всесторонней системной работы по сопровождению совершенствования кодексов. Примеры таких механизмов имеются, они хорошо известны и в целом доказали свою эффективность²⁴. Это позволило бы, на наш взгляд, в определенной степени упорядочить процессы развития не только самих кодексов, но и примыкающего к ним отраслевого законодательства.

Список литературы

1. **Алексеев С. С.** Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. 781 с.
2. **Шебанов А. Ф.** Нормативные акты советского государства. Лекции юридического факультета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 39 с.
3. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / Под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. 1099 с.
4. **Кабрияк Р.** Кодификации / Пер с фр. Л. В. Головки. М.: Статут, 2007. 476 с.
5. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.
6. **Белов В. А.** Гражданское право. В 4 т. М.: Юрайт, 2022. Т. 1. Общая часть. Введение гражданское право: Учебник для вузов. 622 с.
7. **Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г.** Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: Учебное пособие. М.: ФБК–ПРЕСС, 1998. 592 с.
8. **Васильева Н. В.** К вопросу о видовой самостоятельности налоговой ответственности // Академический юридический журнал. 2016. № 1. С. 23–28.
9. **Султанов А. Р.** Мотивированное мнение налогового органа – ненормативный акт, который можно оспорить в суде? // Журнал административного судопроизводства. 2022. № 4. С. 13–21.

References

1. **Alekseev S. S.** Collected works. In 10 volumes [+ Reference. volume]. Vol. 3: Problems of the theory of law: Course of lectures. Moscow, Statut publ., 2010, 781 p. (in Russ.)
2. **Shebanov A. F.** Regulatory acts of the Soviet state. Lectures at the Faculty of Law. Moscow, Mosc. University publ., 1956, 39 p. (in Russ.)
3. Codification of legislation: theory, practice, technology: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, September 25-26, 2008). V. M. Baranov, D. G. Krasnova (Eds.). Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, Torgovopromyshlennaya palata Nizhegorodskoj oblasti, 2009, 1099 p. (in Russ.)
4. **Kabriyakh R.** Codifications. L. V. Golovko (Transl. from French). Moscow, Statut publ., 2007, 476 p. (in Russ.)

²⁴ См., например, Указ Президента Российской Федерации от 5 октября 1999 г. № 1338 «О Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства» // СЗ РФ. 1999. № 41. Ст. 4904.

5. Basic provisions of civil law: article-by-article commentary on articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0]. Karapetov A. G. (Ed.). Moscow, M-Logos publ., 2020. 1469 p. (in Russ.)
6. **Belov V. A.** Civil law. In 4 vol. Vol. 1. General part. Introduction to civil law: textbook for universities. Moscow, Yurait publ., 2022, 622 p. (in Russ.)
7. **Gadzhiev G. A., Pepelyaev S. G.** Entrepreneur – taxpayer – state. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Textbook. Moscow, FBK-PRESS publ., 1998, 592 p. (in Russ.)
8. **Vasilyeva N. V.** On the issue of specific independence of tax liability. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal*, 2016, № 1, pp. 23–28. (in Russ.)
9. **Sultanov A. R.** Is the motivated opinion of the tax authority a non-normative act that can be challenged in court? *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva*, 2022, № 4, pp. 13–21. (in Russ.)

Информация об авторе

Петров Алексей Александрович, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета
SPIN 3715-7476

Information about the Author

Aleksey A. Petrov, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
SPIN 3715-7476

*Статья поступила в редакцию 04.12.2023;
одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 04.12.2023;
approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 34.07

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-15-23

Политико-юридические факторы легитимации российского самодержавия и средневековой модели законности на Земском соборе 1613 года

Елена Станиславовна Соколова

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
Екатеринбург, Россия

elena.sokolova1812@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2996-1935>

Аннотация

В статье раскрыты историко-правовые предпосылки формирования законности как одного из ведущих векторов юридической политики первых Романовых. Сопоставляя источники познания права Смутного времени, отражающих политико-юридические реалии ряда избирательных земских соборов, автор приходит к выводу о слабости демократической тенденции «земского начала», представители которой изначально ориентировались на традиционное представление об особом статусе монарха и приоритетном значении именных указов во всех сферах правового регулирования.

Ключевые слова

Смута, российское самодержавие, династия Романовых, юридическая политика, легитимация, законность, избрание царя, акты земских соборов

Для цитирования

Соколова Е. С. Политико-юридические факторы легитимации российского самодержавия и средневековой модели законности на Земском соборе 1613 года // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 15–23. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-15-23

Political and Legal Factors of the Legitimization of the Russian Autocracy and the Medieval Model of Legality at the Zemsky Sobor in 1613

Elena S. Sokolova

V. F. Yakovlev Ural State Law University
Yekaterinburg, Russian Federation

elena.sokolova1812@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2996-1935>

Abstract

The article reveals the historical and legal prerequisites for the formation of legality as one of the leading vectors of the legal policy of the first Romanovs. Based on a comparison of sources of knowledge of the law of the Time of Troubles, reflecting the political and legal realities of a number of electoral councils, the author comes to the conclusion about the weakness of the democratic tendency of the “zemstvo principle”, whose representatives initially focused on the traditional idea of the special status of the monarch and the priority of nominal decrees in all areas of legal regulation.

Keywords:

Turmoil, Russian autocracy, the Romanov dynasty, legal policy, legitimation, legality, election of the tsar, acts of Zemsky sobors

© Соколова Е. С., 2024

For citation

Sokolova E. S. Political and legal factors of the legitimization of the Russian autocracy and the medieval model of legality at the Zemsky Sobor in 1613. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 15–23. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-15-23

К числу наименее исследованной историко-правовой проблематики, отражающей становление юридической политики российского самодержавия, следует отнести вопрос о роли законности в государственном строительстве первых Романовых.

Воцарение новой правящей династии было основным государственно-правовым последствием Смуты, преодоление которой сопровождалось развитием предпосылок для восстановления социально-политической стабильности общества и системы организации верховной царской власти. В этих условиях от субъектов властных полномочий потребовалось проведение гибкого политико-юридического курса, нацеленного на легитимацию собственного единоличного статуса при помощи законотворческих инициатив надсословного («общеземского») содержания. В качестве основной стратегической линии было избрано сохранение старомосковского представления о сакральной природе института самодержавия, что позволяло обосновывать рациональные по своей природе юридические инициативы на основе обращения к религиозно-нравственным ценностям.

В историографической традиции второй половины XIX – XX в. преобладает мнение о том, что рост законотворческой активности первых Романовых был вызван потребностью в укреплении социально-политического имиджа царской власти. С одной стороны, почетное место в деле юридического обеспечения реализации принципа законности историки-правоведы отводят законодательным нормам Соборного уложения 1649 г [1, с. 38–51; 2; 3, с. 33–78]. С другой стороны, наблюдения отдельных исследователей о последовательной заинтересованности правящих лиц в укреплении законными средствами особого статуса монарха и правящей династии не получили глубокого концептуального осмысления в научной литературе прошлых лет.

Существуют пробелы и в современной научной литературе, сконцентрированной, в основном, на исследовательских практиках определения структуры и принципов систематизации Соборного уложения. В последнее время стали появляться исследования, посвященные вопросам систематизации русского права XVII в., выявлению источников правотворческой деятельности первых Романовых. Констатируется возрастание роли именных указов «как особой формы правового документа», но без учета основополагающих направлений юридической политики исследуемого периода. В общесторических исследованиях широкое распространение получило исследование практики воеводского управления и тех возможностей политико-юридического воздействия на местную администрацию, которые возникали по мере признания за царскими указами приоритетной юридической силы [4; 5; 6, с. 220–340].

Природа и основные формы легитимации государственной власти в средневековой России раскрываются, прежде всего, на основе исследования политико-юридического значения избирательных соборов, которые характеризуются как основная форма преодоления этатизма, присущего российской государственно-правовой традиции. Поставлен вопрос и о конституционном значении юридических норм XVI–XVII вв., созданных в ходе деятельности земских соборов с целью обеспечения легитимации сословного представительства [7; 8, с. 30–52; 9; 10].

Недооценка политико-юридической значимости законотворчества первых Романовых для укрепления самодержавного политического режима существенно снижает качественный уровень познавательных практик, способствующих уяснению исторической преемственности основополагающих начинаний Петра I в сфере укрепления законности. Тем не менее в последнее время исследователи отмечают и возникновение в юридической политике первых Романовых тенденции к росту политико-идеологической роли закона и законности, обеспе-

чивающих трансляцию в общество официальных установок в области государственного строительства [11].

Следует подчеркнуть, что уже в первые десятилетия XVII в. новая правящая династия осознала необходимость поиска легальных правовых средств, обеспечивающих государственное единство. Выход был найден в обращении к рациональному в своей основе принципу верховенства именных указов, обеспечивающих приоритет «общего блага» над частноправовым «земским» началом посредством превращения богоданного монарха в единственного гаранта стабилизации государственно-правовой системы и организации социума.

Некоторое представление о политико-юридических факторах оформления ранней модели режима законности складывается в ходе исследования избирательных актов земских соборов рубежа XVI–XVII вв. Их аналитическое «прочтение» позволяет сделать вывод о значительном воздействии традиционализма на правосознание тех «московских людей разных чинов», которые принимали участие в избрании Михаила Романова на царство.

В целом, участники Земского собора 1613 г., который действовал в полном составе, тяготели к «вотчинной» модели самодержавного правления. В то же время новая правящая династия не имела возможности моделировать повседневную политическую практику с учетом исключительно старомосковских представлений о богоданности великокняжеской власти. Памятуя о просчетах Бориса Годунова, который не сумел создать вокруг себя ореол всенародного монарха и в целях укрепления своего выборного статуса продолжил, но более компромиссными методами, политико-юридический курс Ивана Грозного на противопоставление боярства дворянству, первые Романовы стали практиковать иной стиль надсословной политики и ее идеологического обоснования.

В актовых материалах и политической публицистике Смутного времени последовательно проведена привычная для средневекового правосознания мысль о богоданности царской власти как единственной публично-правовой гарантии ее законности. Традиционная религиозно-политическая аргументация присутствует в Утвержденной грамоте об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова 1613 г. Составители данного документа трактуют «божественную» власть монарха как особое нравственное «служение» по канонам «праведности», не зависящим от субъективной воли всенародно избранного государя [12, с. 50 (10–24), с. 56 (5–35); 9; 10; 13].

Сакрализация властных полномочий выборного монарха влекла за собой необходимость признания их самодержавной природы. Наследственный характер династии Рюриковичей длительное время препятствовал конструированию политико-правового идеала царской власти «снизу». Возникновение практики созыва избирательных земских соборов позволило политической элите конца XVI – начала XVII в. осуществить принципиальную корректировку иосифлянкой модели самодержавия, логическое завершение которой содержится в государственно-правовой концепции Ивана Грозного.

Составители соборных приговоров и «утвержденных грамот» конца XVI – начала XVII в. опирались на традиционное представление о приоритете Божественного закона над юридическими предписаниями, не придавая решающего значения спонтанной активности «земщины» в решении вопроса о верховной власти. Аргументы, выдвинутые в пользу избрания Бориса Годунова, носили ярко выраженный теологический оттенок и восходили к сформированному в библейской традиции христианскому обычаю возведения на престол «благочестивых зело» лиц нецарского происхождения по решению «великого синклита».

Организаторы и участники избирательного Собора 1613 г. тяготели к тем же теоретическим конструкциям, так как отдавали предпочтение привычному для старомосковского правосознания патримониальному принципу самодержавия. Об этом свидетельствует содержание резолютивной части Утвержденной грамоты на избрание Михаила Романова, в основном совпадающей по своему смыслу с текстом Соборного приговора 1598 г. Оба документа построены на выявлении степени родства претендентов на власть с прежними самодержавными

государями от «Рюрикова» рода, что рассматривается как должное основание для легитимации их избрания по светскому обычаю. Как Борис Годунов, так и Михаил Федорович, именуются «Богом избранными ... государями царями и великими князьями, всеа Руси самодержцами» [12, с. 28 (5–14, 37–38); 55, 73–74; 14, с. 38; 15].

В то же время участники избирательного Собора 1613 г. были далеки от идеи восстановления «вольного самодержавия» в его радикальной интерпретации. Об этом свидетельствуют многочисленные варианты избирательных актов, подписанных московскими и новгородскими боярами в качестве альтернативы непризнанному правлению Василия Шуйского и появлению самозванцев. Их обязательным элементом являлось требование ограничения царского произвола при сохранении принципа нераздельного единодержавия [15, с. 106–107; 16; 17; 18; 19].

События Смуты способствовали постепенной конкретизации формального значения понятия «правды» в правосознании большинства ее активных участников, которое существенно противоречило официальной трактовке религиозно-нравственных обязательств царской власти перед Богом.

Из содержания Соборного приговора 1611 г. следует, что «Земля» брала на себя функцию верховной власти в экстремальных условиях разрушения Православного Царства, не собираясь кардинально пересматривать заветы старины. В целом политический идеал участников первого Ополчения не простирался далее традиционного представления о «природном» государе, который по благословению Божьему обладает исключительным правом на самодержавную власть [20, с. 89–93; 8, с. 30–52; 21, с. 43–44, 46–47, 49; 22].

Политическая элита 1613 г. видела путь к достижению этой цели в восстановлении прежней законной династии, легитимируя избрание Михаила Романова его родством с «прежними великими благородными и благоверными и Богом венчанными Российскими государями царями» [12, с. 45–46, 49; 15, с. 98–99].

Юридическое закрепление наследственного права Романовых на преемственность верховной власти от династии Ивана Калиты фактом родства Михаила по боковой нисходящей линии с царицей Анастасией Захарьиной-Юрьевой и государем Федором Иоанновичем позволило составителям Утвержденной грамоты избежать уязвимых с формальной точки зрения ухищрений, на которые в 1598 г. пришлось пойти патриарху Иову. В интерпретации составителей Соборного приговора 1598 г. быстрое возвышение Годуновых объяснялось тем, что Борис Федорович изначально являлся божественным избранныком [23, с. 36–37].

Нравственно-юридические основания процедуры избрания на царство противоречили как старинному московскому порядку передачи престола по прямой нисходящей линии, так и древнерусской «лестнице» князей с ее абсолютизацией принципа родового старшинства. С политико-юридической точки зрения, именно возможность обосновать легитимность избрания Михаила Романова фактом основания новой «коренной» династии сыграла решающую роль в его возвышении. Соответствие его кандидатуры предписаниям старомосковского обычая, освященного библейской традицией, вероятно, в значительной степени содействовало формированию общего мнения участников Земского собора 1613 г. о необходимости восстановления самодержавия. В Утвержденной грамоте неповиновение царской воле расценивается как преступление перед Богом и людьми, влекущее за собой отлучение от церкви и восприятие мести «по царским законам». Формально ее составители ориентировались на содержание Соборного приговора 1598 г., но при этом использовали более убедительную теоретико-правовую аргументацию, не требующую по старомосковским представлениям выдачи от царя никаких ограничительных записей в пользу подданных.

На основе сопоставления актовых материалов конца XVI – начала XVII в. Ф. В. Тарановский убедительно показал, что процедура избрания Михаила Романова на царство воспринималась его современниками в качестве основного условия легитимации верховной власти [15, с. 101–104]. Представляется, что сохранению этих настроений содействовала и активизация

самозванчества при отсутствии норм международного права, способных нейтрализовать призывания польской короны на московский трон.

В целом сравнительный анализ актов избрания на царство и источников познания права первой трети XVII в. позволяет констатировать отсутствие ярко выраженной демократической тенденции в правосознании участников земских соборов. Их представление о легитимной царской власти формировалось под воздействием теологической традиции и не выходило за рамки библейской интерпретации образа царя как проводника божественной воли в мирской жизни.

Конструирование идеальной модели самодержавия, воплощенной в нормативных актах земских соборов и политико-правовой доктрине начала XVII в., отличалось средневековым традиционализмом. По мере роста угрозы распада православного Московского царства власть «природных» государей-Рюриковичей все больше приобретала ореол «праведности», а утвержденные ими нормативные акты воспринимались как наиболее совершенный образец справедливого законодательства.

Возвращение к вечевым институтам земщины диктовалось, по мнению инициаторов избирательных соборов, «безгосударской» сущностью Смутного времени и воспринималось ими как искупление за грех, допущенный всем православным христианским народом при решении вопроса о власти в пользу лиц «не царского кореня» [12, с. 47]. Отделяя государство от личности государя, «земщина» возлагала на себя, таким образом, ответственность перед Богом за передачу самодержавной власти в боярский род, имеющий неоспоримое династическое преимущество перед любыми другими претендентами.

Вопреки распространенному в историко-правовой литературе мнению о том, что избрание Михаила Романова способствовало окончательному превращению царской власти в публично-правовой институт, подчеркнем наличие мощного влияния вотчинной традиции на правосознание участников Земского собора 1613 г. и составителей Утвержденной грамоты. Частичная модернизация традиционного концепта самодержавия проявилась в актовом закреплении старомосковского обычая передачи царской власти по нисходящей линии. В соответствии с правовыми представлениями начала XVII в. утверждение всем привычного порядка престолонаследия исключало возможность введения юридических ограничений для законного преемника «природных» государей времен московской старины [3, с. 282–295]. Таким образом, нет оснований говорить о коренной трансформации традиционных взглядов русского общества начала XVII в. на природу и сущность законной царской власти.

Подводя итоги, отметим следующее.

1. Смута кардинально изменила расстановку социально-политических сил в Московском государстве, заставив первых Романовых более целенаправленно, чем их предшественники, прислушиваться к мнению «земщины» с целью проведения гибкой политики лавирования между интересами разных социальных групп.

2. В отличие от Рюриковичей, имевших возможность действовать, прежде всего, на основе вотчинных представлений о государстве, Михаил Федорович и его ближайшие преемники были вынуждены провести серьезную переоценку официального старомосковского представления о приоритете нравственного закона над юридической нормой. Его явная непригодность для большинства тех «ратных и земских дел», решение которых требовало внимательного отношения монарха к потребностям самых разных категорий населения, способствовала постепенному отказу на догматическом уровне от традиционного понимания царской власти как хранительницы нравственной «правды» в пользу формализации официально санкционированной нормы права, обеспечивающей интересы «общего блага».

3. Наличие светской трактовки принципа законности стало неотъемлемой чертой законодательной политики первых Романовых, направленной на увеличение царских prerogatives в деле преодоления разрушительных для Московского государства последствий Смуты и создавшей политико-юридическую основу для укрепления надсословной по своей природе власти монарха-самодержца в течение XVII – первой четверти XVIII в.

Список литературы

1. **Загоскин Н. П.** Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 гг. Казань: Тип. Императорского университета, 1879. 80 с.
2. **Ельчанинова О. Ю.** Государственная власть в России в XVII в.: исторические реалии и проблемы легитимации // Юридическая наука и практика. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. Т. 1. Вып. 8. Ч. 1. С. 80–85.
3. **Платонов С. Ф.** Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 3-е изд. СПб.: Склад издания у Я. Башмакова, 1910. 642 с.
4. **Акишин М. О.** Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. № 3. С. 45–54.
5. **Багрин Е. А.** Сибирские воеводы XVII в. в исследованиях, опубликованных в 2010–2021 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 97–111.
6. **Вершинин Е. В.** Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
7. **Чупова М. Д.** К постановке вопроса о формировании конституционных идей в России в XVI–XVII вв. // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2018. № 8. С. 34–50.
8. **Козляков В. Н.** Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2004. 346 с.
9. **Лисейцев Д. В.** «Взяв с собою ... из всяких чинов выборных крепких и разумных и постоянных людей»: состав нижегородской делегации на Земском соборе 1613 года // Преподаватель XXI век. 2019. № 1. С. 309–316.
10. **Павлов А. П.** Царь Михаил Романов: вхождение во власть // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 4(2). С. 147–157.
11. **Кодан С. В.** Развитие системы российского законодательства (середина XVII – XVIII в.) // Вестник Уральского ин-та экономики, управления и права. Всероссийский научно-аналитический журнал. 2010. № 4 (13). С. 11–20.
12. Утвержденная грамота об избрании на Московское Государство Михаила Федоровича Романова с предисловием С. А. Белокурова. 2-е изд. Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете М.: Тип. Общества Распространения Полезных Книг, 1906. 120 с.
13. **Платонов С. Ф.** К истории Московских земских соборов // Сочинения профессора С. Ф. Платонова. Т. 1. Статьи по русской истории (1883– 1912). 2-е изд. СПб.: Склад издания у Я. Башмакова и К., 1912. С. 279–338.
14. Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова – 1598 года. Текст // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. Акты Земских соборов / Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 36–40.
15. **Тарановский Ф. В.** Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии // Тарановский Ф. В. История русского права / Под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 94–108.
16. Наказ (в списке), данный при отправлении к Польскому Королю Сигизмунду III Российских послов: Ростовскаго Митрополита Филарета, Боярина Князя Василья Васильевича Голицына, Окольничаго Князя Даниила Ивановича Мезецкаго, Думного Дворянина Сукина и Дьяков Луговскаго и Васильева, для испрошения на Российский престол Королевича Владислава и для постановления недоконченных с Гетманом Жолкевским разных статей. – Писан 1610, Августа 17 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. М.: Тип. Селивановского, 1819. Ч. 2. Отд. X. № 201. С. 406–437.

17. Договор (в списке) Новгородцев со Шведским Военачальником Яковом де ла Гардием, в тридцати статьях состоящем: о признании ими Шведскаго Короля Карла IX своим покровителем, о принятии одного из сыновей его на Новгородское и Всероссийское Государство Царем и Великим Князем, и проч. – Писан 1611, Июля 11 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. М.: Тип. Селивановского, 1819. Ч. 2. Отд. X. № 264. С. 553–563.
18. Отписка устюжан к вычегодцам о разорении Ростова литовскими людьми, о пленении митрополита Филарета, о присяге Ярославля, Вологды и Тотьмы Лжедмитрию, о решительном намерении всех устюжан не изменять Государю, о присылке людей из Усольской земли для принятия мер против мятежников и о взаимной присяге действовать заодно // Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы / Сост., вступит. ст. и комм. В. И. Кузнецова и И. П. Кулаковой. М.: МГУ, 2001. С. 368–371.
19. Буганов В. И., Рогожин Н. А. Краткий Московский летописец начала XVII в. из города Галле (Германия) // Архив русской истории: Научно-исторический журнал. 2007. Вып. 8. С. 519–573.
20. Сташевский Е. Л. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев: Тип. 2-й артели, 1913. 460 с.
21. Приговор Земского собора первого ополчения 1611 года, июня 30. Текст // Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов / Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 43–51.
22. Отрывок окружной грамоты от бояр во все российские города об убиении Самозванца Гришки Отрепьева и об избрании на всероссийский престол царя Василия Ивановича Шуйского // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. М.: Тип. Селивановского, 1819. Ч. 2. Отд. IX. № 142. С. 300–301.
23. Соборное определение об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова – 1598 года. Текст // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. Акты Земских соборов / Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 36–40.

References

1. **Zagoskin N. P.** The Code of the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich and the Zemsky Sobor 1648-1649. Kazan, Printing House of the Imperial University, 1879, 80 p. (in Russ.)
2. **Yelchaninova O. Y.** State power in Russia in the XVII century: historical realities and problems of legitimation. *Legal science and practice. Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, vol. 1, issue 8, part 1. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020, pp. 80–85. (in Russ.)
3. **Platonov S. F.** Essays on the history of the Troubles in the Moscow state of the XVI–XVII centuries. (The experience of studying the social system and class relations in the Time of Troubles). 3rd ed. St. Petersburg, The warehouse of the edition of Ya. Bashmakov, 1910, 642 p. (in Russ.)
4. **Akishin M. O.** Dyaks of the Embassy order and the annexation of Siberia. *Russian History*, 2015, no. 3, pp. 45–54. (in Russ.)
5. **Bagrin E. A.** Siberian voivodes of the XVII century. in studies published in 2010-2021. *Izvestia of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 97–111. (in Russ.)
6. **Vershinin E. V.** Russian colonization of Northwestern Siberia at the end of the XVI–XVII centuries. Yekaterinburg, Demidov Institute, 2018, 504 p. (in Russ.)

7. **Chupova M. D.** On the formulation of the question of the formation of constitutional ideas in Russia in the XVI–XVII centuries. *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2018, no. 8, pp. 34–50. (in Russ.)
8. **Kozlyakov V. N.** Mikhail Fedorovich. Moscow, Young Guard publ., 2004, 346 p. (in Russ.)
9. **Liseitsev D. V.** “Taking with him ... from all ranks of elected strong and reasonable and wealthy people”: the composition of the Nizhny Novgorod delegation at the Zemsky Sobor of 1613. *Teacher XXI century*, 2019, no. 1, pp. 309–316. (in Russ.)
10. **Pavlov A. P.** Tsar Mikhail Romanov: entering into power. *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4. History. Regional studies. International relations*, 2019, vol. 4(2), pp. 147–157. (in Russ.)
11. **Kodan S. V.** The development of the system of Russian legislation (the middle of the XVII – XVIII centuries). *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. All-Russian scientific and Analytical journal*, 2010, no. 4 (13), pp. 11–20. (in Russ.)
12. The approved letter of election to the Moscow State of Mikhail Fedorovich Romanov with a preface by S. A. Belokurov. 2nd ed. Of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. Moscow, Printing House of the Society for the Distribution of Useful Books, 1906, 120 p. (in Russ.)
13. **Platonov S. F.** On the history of the Moscow Zemsky sobors. *The writings of Professor S. F. Platonov. Vol. 1. Articles on Russian history (1883–1912)*. The 2nd ed. St. Petersburg, Warehouse editions by Y. Bashmakov and K, 1912, pp. 279–338. (in Russ.)
14. Conciliar definition of the election of Tsar Boris Feodorovich Godunov – 1598. Text. *Russian legislation of the X–XX centuries*, vol. 3. Acts of Zemsky sobor. A. G. Mankov (Ed.). Moscow, Legal literature, 1985, pp. 36–40. (in Russ.)
15. **Taranovsky F. V.** The conciliar election and the power of the great sovereign in the XVII century. In *Taranovsky F. V. History of Russian law*. Ed. and with a preface by V. A. Tomsinov. Moscow, Mirror, 2004, pp. 94–108. (in Russ.)
16. The order (in the list) given when sending Russian ambassadors to the Polish King Sigismund III: The Rostov Metropolitan Filaret, the Boyar Prince Vasily Vasilyevich Golitsyn, the Ringleader Prince Daniil Ivanovich Mezetsky, the Duma Nobleman Sukin and the Clerks of Lugovsk and Vasiliev, for requesting the Russian throne of Prince Vladislav and for the resolution of various articles unfinished with Hetman Zholkevsky. – Written 1610, August 17. *Collection of state charters and treaties kept at the State Board of Foreign Affairs*. Moscow, In the Printing House of Selivanovsky, 1819, part 2, ed. X, no. 201, pp. 406–437. (in Russ.)
17. Contract (in the list) Novgorodians with the Swedish Military Commander de la Guardia in thirty articles consisting of: on their recognition of the Swedish King Charles IX as their patron, on the admission of one of his sons to the Novgorod and All-Russian State as Tsar and Grand Duke, and so on. – Written 1611, July 11. *Collection of state charters and treaties kept at the State Board of Foreign Affairs*. Moscow, In the Printing House of Selivanovsky, 1819, part 2, ed. X, no. 264, pp. 553–563. (in Russ.)
18. The reply of Ustyuzhans to the vychegodets about the ruin of Rostov by Lithuanian people, about the capture of Metropolitan Filaret, about the oath of Yaroslavl, Vologda and Totma to False Dmitry, about the positive intention of all Ustyuzhans not to change the Sovereign, about sending people from the Usolsky land to take measures against the rebels and about the mutual oath to act at the same time. *Monuments of the Vague time. The Tushinsky thief: personality, environment, time. Documents and materials. Comp., introductory article and comments by V. I. Kuznetsov and I. P. Kulakova*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 2001, pp. 368–371. (in Russ.)
19. **Buganov V. I., Rogozhin N. A.** The Brief Moscow chronicler of the beginning of the XVII century from the city of Halle (Germany). *Archive of Russian History: scientific and historical journal*, 2007, iss. 8, pp. 519–573. (in Russ.)

20. **Stashevsky E. L.** Essays on the history of the reign of Mikhail Fedorovich. Part I. Moscow society and the state from the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich to the era of the Smolensk War. Kiev, Printing house of the 2-nd Artel, 1913, 460 p. (in Russ.)
21. The verdict of the Zemsky Sobor of the first militia of 1611, June 30. Text // Russian legislation of the X–XX centuries, vol. 3. Acts of Zemsky sobors. A. G. Mankov (Ed.). Moscow, Legal literature, 1985, pp. 43–51. (in Russ.)
22. An excerpt of a district letter from boyars to all Russian cities about the murder of the Impostor Grishka Otrepiev and about the election to the All-Russian throne of Tsar Vasily Ivanovich Shuisky. *Collection of state letters and treaties stored in the State Collegium of Foreign Affairs.* Moscow, In the Printing House of Selivanovsky, 1819, part 2, ed. IX, no. 142, pp. 300–301. (in Russ.)
23. Conciliar definition of the election of Tsar Boris Feodorovich Godunov – 1598. Text. *Russian legislation of the X–XX centuries*, vol. 3. Acts of Zemsky sobor. A. G. Mankov (Ed.). Moscow, Legal literature, 1985, pp. 36–40. (in Russ.)

Информация об авторе

Соколова Елена Станиславовна, доктор юридических наук, доцент Уральского государственного юридического университета
SPIN 5012-5479

Information about the Author

Elena S. Sokolova, Doctor of Law, Associate Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
SPIN 5012-5479

*Статья поступила в редакцию 07.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 07.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 343.979+93/94

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-24-31

Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в Советской России в 1917–20-е годы

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия

kris1996z@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются вопросы разработки отечественного уголовного законодательства в первые годы утверждения советской власти для борьбы с одной из наиболее опасных угроз общественной безопасности страны – профессиональной преступностью. В ходе сравнительно-правового исследования важнейших нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-правовые отношения, выявлены основные средства привлечения к уголовной ответственности профессиональных преступников. Определено, что в советском уголовном законодательстве существовала «специальная» статья для «профессионалов», ужесточающая наказание за совершение преступления не просто уголовником, а настоящим профессиональным преступником. Однако в рамках устоявшейся правовой системы и сложившейся еще в дореволюционный период практики привлечения к ответственности за систематичность преступной деятельности данное новаторство не «прижилось». Из закона понятие «профессиональный преступник» было изъято, а повторность преступной деятельности стала определяться законодателем с помощью иных привычных для отечественного уголовного законодательства понятий, таких как рецидив, промысел, повторность, систематичность и т. д. Однако эти институты уголовного права в полной мере не позволяли обнаружить среди иных видов преступности именно профессиональную, вследствие чего правовые меры противодействия рассматриваемого вида преступности на практике демонстрировали недостаточную эффективность реализации.

Ключевые слова

профессиональная преступность, криминальный профессионализм, уголовный закон, Уголовный кодекс РСФСР, уголовная политика, преступность, квалифицирующий признак, преступный промысел, повторность

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2024 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 085102020-0033).

Для цитирования

Зарубина К. А. Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в Советской России в 1917–20-е годы // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 24–31. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-24-31

© Зарубина К. А., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1

The Criminal Law Foundations of the Fight against Professional Crime in Soviet Russia in the 1917-1920s

Kristina A. Zarubina

South-West State University
Kursk, Russian Federation

kris1996z@mail.ru

Annotation

The article examines the issues of the development of domestic criminal legislation in the early years of the establishment of Soviet power to combat one of the most dangerous threats to public security of the country – professional crime. In the course of a comparative legal study of the most important normative legal acts regulating criminal law relations, the main means of bringing professional criminals to criminal responsibility have been identified. It is determined that in the Soviet criminal legislation there was a «special» article for «professionals», which toughens the punishment for committing a crime not just by a criminal, but by real professional criminals. However, within the framework of the established legal system and the practice of bringing to justice for the systematic nature of criminal activity that developed back in the pre-revolutionary period, this innovation did not «catch on». The concept of «professional criminal» was removed from the law, and the repetition of criminal activity began to be determined by the legislator using other concepts familiar to domestic criminal legislation, such as recidivism, fishing, repetition, systematic, etc. However, these institutions of criminal law did not fully allow the detection of professional crime among other types of crime, as a result of which legal measures to counter this type of crime in practice demonstrated insufficient effectiveness of implementation.

Keywords

professional crime, criminal professionalism, criminal law, Criminal Code of the RSFSR, criminal policy, criminality, qualifying feature, criminal craft, repetition

Financing

The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2024 «Transformation of private and public law in the context of evolving personality, society and the state» (number 085102020-0033).

For citation

Zarubina K. A. Criminal and legal foundations of the fight against professional crime in Soviet Russia in the 1917–1920's. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 24–31. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-24-31

В 1917 г. практически все российское общество было втянуто в фарватер политической борьбы. Революционные события, захлестнувшие страну, высвободили на «волю» не только дремлющие до того момента политические, но и криминальные силы. Слом привычного общественного устройства, основ государственности и традиционных социальных институтов неизбежно привел к росту преступности в стране. Несмотря на отсутствие полной картины статистического учета преступности в рассматриваемый период, можно утверждать, что в это время наблюдалось значительное обострение криминогенной ситуации. Как отмечал известный советский ученый-правовед и криминолог А. А. Герцензон, «Трудно привести какие-либо данные о преступности в период гражданской войны. Можно лишь предполагать, что рост тяжкой преступности не приостанавливался и в первые годы после Октябрьской революции...» [1, с. 72]. Основываясь на сохранившихся фрагментарных статистических сведениях, исследователь констатировал, что в 1923–1925 гг. московская преступность превышала дореволюционные показатели, а контингент рецидивистов значительно возрос. Число заключенных увеличилось почти вдвое, ежегодно этот рост оценивался в 15–20 %. Наибольший удельный вес в общей массе возникших уголовных дел составляли имущественные преступления (например, в 1922–1926 гг. – до 40 %) [2, с. 41–82]. Пик преступной активности приходился в довоенный период на 1924 г. В дальнейшем обнаруживался тренд снижения числа общественно опасных посягательств [3, с. 56–57].

Так, в первое десятилетие утверждения и укрепления советской власти преступность в государстве рассматривалась как одна из главных угроз государству [4, с. 99–105]. В результате

этого противодействие активно развивающейся и постоянно видоизменяющейся преступности объективно стало вопросом выживания новой Советской России, вследствие чего данной проблеме со стороны власти уделялось большое внимание.

На фоне ведения военных действий, в сложных условиях социально-экономической и политической нестабильности основным средством воздействия на общество было выбран метод властного предписания, он же метод запрета, или императивный метод. Советским правительством была создана, действительно, уникальная, отвечающая требованиям защиты основ социалистического строя и интересам революции система законодательства, где важнейшую роль играли нормы уголовного права.

Важным направлением реализации уголовной политики страны в этот период стала организация противодействия активно развивающейся профессиональной преступности, являющейся системообразующим элементом общеуголовной преступности, ядром отечественного криминалитета, деятельность которого напрямую угрожала национальной безопасности советского государства. Причем это противодействие уголовно-правовыми средствами реализовывалось в достаточно жесткой форме.

В одном из первых нормативных правовых актов советского правительства – Временной инструкции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы и о порядке отбывания такового» определено, что распределительная комиссия наделялась специальным правом представлять в местный революционный трибунал для решения вопроса об их дальнейшей изоляции после отбывания наказания не только погромщиков, хулиганов, но и так называемых упорных рецидивистов [5, с. 54–60]. По сути, наказание в данном случае назначалось не в связи с совершением лицом того или иного преступления, а в соответствии с криминальным статусом, который был «присвоен» осужденному в местах лишения свободы [6, с. 169–176]. В соответствии с утверждением законодателя, упорный рецидивист – это особо опасный преступник, не желающий стать на путь исправления [7, с. 108], что роднит его с преступником-профессионалом, имеющим такую же мировоззренческую установку.

Для борьбы с деятельностью профессиональных преступников уже в первом нормативном правовом акте, определяющем основы уголовной политики нового советского государства, – Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. – закреплялось: «При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным» (п. «г», ст. 12)¹. Несмотря на признаваемое многими исследователями не совсем удачное конструирование нормы, смешение нетождественных понятий «профессиональный преступник» и «рецидивист» [8, с. 36–39], попытка акцентировать внимание законодателя на «болевых» точках заслуживает внимания.

Основополагающие идеи, отраженные в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., получили дальнейшее развитие в процессе создания первых кодифицированных актов. Первый Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1922 г. Основной целью принятия данного документа было ограждение советского государства и революционного правопорядка от общественно опасных элементов. Структура Кодекса такова, что в ней отсутствует традиционное деление статей на части с указанием квалифицированных составов преступления. Законодатель разделил нормы на пункты с буквенной нумерацией [9, с. 122–126]. Однако именно в этом Кодексе впервые в истории отечественного законодательства произошло разделение понятий «профессиональный преступник» и «рецидивист». В п. «е» ст. 25 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. декларировалось: «Для определения меры наказания различается, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, **или** (выделено автором) оно совершено в первый раз». Это означало, что при разрешении дела судьи обязательно должны были выяснять, совершено ли преступление «рядовым» или профессиональным преступни-

¹Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 10.01.2024).

ком, и если криминальный профессионализм обнаруживался в действиях подсудимого, то ему следовало назначить самое строгое наказание, которое предусматривалось в санкции соответствующей нормы. Явным недостатком статьи можно назвать отсутствие каких бы то ни было критериев, позволяющих причислять преступника именно к «профессионалам», что давало правоприменителям определенную вольность при квалификации преступных деяний по этой норме, хотя законодатель впервые справедливо указывает на отсутствие совпадения по объему понятий «рецидивист» и «преступник-профессионал».

Особо интересны положения п. «б» ст. 180 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., где к отягчающим обстоятельствам совершения кражи законодатель прямо относил применение орудий или инструментов, иных технических приспособлений и приемов, а равно и случаи, когда деяние совершено лицом, занимающимся кражами как **профессией** (выделено автором)². В практическом комментарии к Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. указывалось: «Квалифицированная кража, т. е. более опасная, считается таковою: когда она совершена с помощью технических приспособлений и приемов; когда она совершена лицом, занимающимся кражами как профессией. Таким лицом надо считать всякого, кто делает себе из краж свой заработок вполне или, кто хотя бы и занимается каким-либо трудом, но кроме того промышляет и кражами. Не требуется, чтобы было несколько предварительных осуждений за кражу. Профессионалом-вором суд может признать и того, кто судится в первый раз...» [10, с. 266–267]. Отметим, что за простую кражу преступнику грозило лишение свободы на срок до 6 месяцев, а за представленный состав – до 2 лет. Примечательно, что указание на занятие преступной деятельностью как профессией присутствует в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. только в конструкции состава кражи, в то время как иные традиционно «популярные» в обществе преступления корыстной направленности (например, мошенничество, разбой, грабеж) обделены вниманием законодателя. Согласимся с мнением исследователя П. А. Скобликова о том, что это указывает на исключительную распространенность в структуре профессиональной преступности именно краж, преобладание среди преступников-профессионалов «крадунов» – лиц, совершающих на постоянной основе тайные хищения чужого имущества, и их наибольшее приобщение к ценностям криминального мира среди иных «профессионалов» [11, с. 11–24].

Анализ других положений Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. также позволяет говорить о выделении законодателем повторности преступной деятельности как отягчающего обстоятельства (хотя и в разных технико-юридических формах). Например, п. «з» ст. 180 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. устанавливала более высокая степень ответственности за систематическое совершение хищений из государственных складов, вагонов, судов и других хранилищ, ст. 183 – за грабеж, совершенный рецидивистом, а ст. 184 – за разбой при рецидиве. Данные признаки преимущественно использовались при конструировании квалифицированных составов преступлений и косвенно указывали на профессиональный характер преступной деятельности, хотя полностью не исчерпывали данное понятие [12, с. 63–66].

После образования СССР назрела объективная необходимость в формировании единого правового пространства, в том числе и уголовно-правового. С этой целью в 1924 г. приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые уже не содержали прямого указания на совершение преступления «профессионалом» как отягчающего обстоятельства, но закрепляли такой близкий к профессиональной преступной деятельности уголовно-правовой институт, как рецидив (п. «г» ст. 31)³.

² ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42602#09545321764657917> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--plai/node/13946> (дата обращения: 10.01.2024).

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, в котором также отсутствовало прямое указание на борьбу с профессиональной преступностью. Понятие «профессиональный преступник» из уголовного закона было исключено. Не встречалось в тексте закона и понятие «рецидив», хотя повторное совершение грабежа, разбоя, краж, некоторых иных преступлений корыстной или корыстно-насильственной направленности законодателем выделялось в качестве квалифицирующего признака (например, п. «б» ст. 162, ст. 165–167 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.)⁴. Особо примечательно указание на возможность подделки государственных кредитных билетов, металлических монет, банковских билетов Государственного банка, денежных бон, государственных ценных бумаг и т. п., осуществляемой в виде промысла (ст. 59.8 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.). Подобным образом определялась повышенная общественная опасность покупки заведомо краденого, ростовщичества (ст. 164, 173 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.)⁵. Так, в уголовно-правовых нормах систематичность преступной деятельность стала чаще определяться с помощью таких понятий, как промысел, неоднократность, повторность.

Примечательно, что эти приемы юридической техники были совершенно не новы. При сопоставлении дореволюционного уголовного законодательства, так яростно отрицаемого советским правительством, и первых уголовных кодексов РСФСР обнаружено, что ст. 432 Уголовного уложения 1903 г. (подделка денежных средств, осуществляемая в виде промысла)⁶ «напоминает» ст. 85 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты, совершенная в виде промысла)⁷. А квалифицированный состав ст. 616 Уголовного уложения 1903 г. (приобретение, принятие для хранения или для сокрытия или в заклад или для сбыта или в сбыт чужого имущества, заведомо добытого тяжким преступлением, совершенное в виде промысла)⁸ по смыслу тождественна ст. 181 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (покупка заведомо краденого, совершаемое в виде промысла и с целью сбыта)⁹. Преемственность также обнаруживается в иных нормах уголовного законодательства (как правило, при указании на занятие той или иной преступной деятельностью корыстной или корыстно-насильственной направленности в виде промысла, повторно или неоднократно). Кроме того, подчеркнем, что если в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. насчитывалось всего 5 составов корыстных преступлений, преследующих преступный промысел (ст. 85, 97, 139, 181, 193), то в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. таких составов уже 9 (ст. 59.8, 59.10, 59.12, 99, 102, 103, 104, 164, 173)¹⁰. Вследствие этого можно заключить, что особенности конструирования норм уголовного законодательства, направленных на борьбу с профессиональной преступностью, в советское время с дореволюционного периода сохранились и преумножились, что обусловлено их системообразующим характером, базирующемся на выработанной веками в отечественном уголовном праве правовой традиции, в то время как отдельные новаторства борьбы с преступниками-профессионалами уголовно-правовыми средствами, несмотря на сложность криминогенной обстановки в государстве в период утверждения советской власти, не прижились.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Там же.

⁶ Уголовное уложение 1903 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 38. СПб. С. 86.

⁷ См.: ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

⁸ См.: Уголовное уложение 1903 г.

⁹ См.: ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г.

Особо стоит подчеркнуть, что в 1917–20-е гг. основу политики советского государства в сфере борьбы с профессиональной преступностью, по справедливому замечанию отдельных исследователей, составляло постоянное ужесточение карательных мер и практически полное игнорирование социальных причин развития криминального мира, живущего по своим принципам и законам. Советскому государству, действительно, удавалось с помощью карательных мер уничтожить отдельных преступников-профессионалов, не затрагивая организационных и идейных основ механизмов самодетерминации преступного сообщества [13, с. 43–47]. Полагая, что результатом не совсем верного определения направлений борьбы с профессиональной преступностью можно считать еще более стремительное развитие советского криминалитета, что привело уже в 20-х гг. XX в. к формированию такой опасной преступной «касты», как «воры в законе», состоящей из преступников, занимающих высшее положение в криминальной иерархии [14, с. 404–414].

Таким образом, в связи с обострением криминогенной ситуации в стране в условиях сложной социально-экономической и политической действительности 1917–20-х гг. рычагом стабилизации российского общества был выбран уголовный закон, устанавливающий суровые санкции за совершение наиболее опасных для государства преступлений, в том числе антиобщественных деяний, совершаемых на профессиональной основе. Трансформация всей системы реализации уголовно-правовой политики в стране привела к появлению в законодательстве «специальных» норм для «профессионалов». Так, в уголовной политике определился новый вектор по борьбе с профессиональной преступностью, однако в рамках устоявшейся правовой системы и сложившейся еще в дореволюционный период практики привлечения к ответственности за систематичность преступной деятельности многие новаторства не «прижились». Из Уголовного кодекса РСФСР уже в 1926 г. понятие «профессиональный преступник» было изъято, а повторность преступной деятельности стала определяться законодателем с помощью иных привычных для отечественного уголовного законодательства, хоть и не совсем разграниченных друг от друга понятий, таких как рецидив, промысел, повторность, систематичность и т. д. Однако эти институты уголовного права в полной мере не позволяли обнаружить среди иных видов преступности именно профессиональную. В связи с тем, что законодатель стремился расширить сферу уголовной репрессии за систематичность занятия преступной деятельностью не только тождественных и (или) однородных преступлений корыстной и корыстно-насильственной направленности, составляющих основу профессиональной преступности, но и неоднородных преступлений, задача борьбы с преступниками-профессионалами решалась недостаточно эффективно. В результате чего отечественный криминалитет стал еще более монолитным и устойчивым, а профессиональная преступность стала развиваться еще более интенсивно.

Список литературы

1. Герцензон А. А. Основные тенденции динамики преступности за десять лет // Институт советского права. 1928. № 1 (31). С. 72–73.
2. Герцензон А. А. Общеуголовная преступность и классовое начало в уголовной политике СССР // Журнал института советского права. 1927. № 6 (24). С. 41–82.
3. Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 1997. 526 с.
4. Альбертий Ю. В. Борьба с преступностью как средство укрепления законности в советском государстве 1920-х годов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (40). С. 99–105.
5. Южанин В. Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект) // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2 (89). С. 54–60.

6. **Абдрахманова Е. Р.** Обеспечение реализации лишения свободы в СССР и РСФСР (Российской Федерации) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 169–176.
7. **Возжанникова И. Г.** Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 198 с.
8. **Жук М. С.** Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: предпосылки формирования новой системы российского законодательства в советский период // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 36–39.
9. **Иванова О. М.** Краткий очерк об истории становления советского уголовного законодательства об имущественных преступлениях (1917–1922 гг.) // Вестник Московского ун-та МВД России. 2014. № 6. С. 122–126.
10. Уголовный кодекс: практический комментарий (с дополнениями и изменениями по 1 июня 1925 г.) / Под ред. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. М.: Право и жизнь, 1925. 390 с.
11. **Скобников П. А.** Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности (на примере УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12 (145). С. 11–24.
12. **Прохорова М. Л., Горенко М. Г.** Промысел как вид множественности преступлений: компаративистские и теоретические аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 63–66.
13. **Данчева С. Н.** История уголовной политики российского государства в борьбе с профессиональной преступностью // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2010. № 5 (181). С. 43–47.
14. **Клейменов М. П., Корнеев Д. В.** Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник ОмГУ. 2012. № 3 (65). С. 404–414.

References

1. **Herzenzon A. A.** The main trends in crime dynamics over ten years. *Institute of Soviet Law*, 1928, no. 1 (31), pp. 72–73. (in Russ.)
2. **Herzenzon A. A.** Ordinary crime and the class principle in the criminal policy of the USSR. *Journal of the Institute of Soviet Law*, 1927, no. 6 (24), pp. 41–82. (in Russ.)
3. **Luneev V. V.** Crime of the XX century. Moscow, 1997, 526 p. (in Russ.)
4. **Albertiy Yu. V.** The fight against crime as a means of strengthening the rule of law in the Soviet state of the 1920s. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 2020, no. 4 (40), pp. 99–105. (in Russ.)
5. **Yuzhanin V. E.** Responsibility for multiple recidivism of crimes under the legislation of Russia (historical aspect). *Man: crime and punishment*, 2015, no. 2 (89), pp. 54–60. (in Russ.)
6. **Abdrakhmanova E. R.** Ensuring the implementation of deprivation of liberty in the USSR and the RSFSR (Russian Federation). *Gaps in Russian legislation*, 2016, no. 4, pp. 169–176. (in Russ.)
7. **Vozzhannikova I. G.** Recidivism of crimes in the criminal law of Russia: concept, types, meaning: dissertation ... Candidate of Law Sciences. Moscow, 2017, 198 p. (in Russ.)
8. **Zhuk M. S.** Guiding principles on criminal law of the RSFSR in 1919: prerequisites for the formation of a new system of Russian legislation in the Soviet period. *Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2019, no. 4, pp. 36–39. (in Russ.)
9. **Ivanova O. M.** A brief essay on the history of the formation of Soviet criminal legislation on property crimes (1917–1922). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 6, pp. 122–126. (in Russ.)
10. The Criminal Code: a practical commentary (with additions and amendments to June 1, 1925). Gernet M. N. and Trainin A. N. (Eds.). Moscow, Pravo i Zhizn Publishing House, 1925, 390 p. (in Russ.)

11. **Skoblikov P. A.** The criminal legal significance of professionalization of criminal activity (on the example of the Criminal Code of the RSFSR in 1922 and the Criminal Code of the Russian Federation in 1996). *Actual problems of Russian law*, 2022, no. 12 (145), pp. 11–24. (in Russ.)
12. **Prokhorova M. L., Gorenko M. G.** Fishing as a type of multiplicity of crimes: comparative and theoretical aspects. *Society: politics, economics, law*, 2017, no. 5, pp. 63–66. (in Russ.)
13. **Dancheva S. N.** The history of the criminal policy of the Russian state in the fight against professional crime. *Bulletin of SUSU. Series: Law*, 2010, no. 5 (181), pp. 43–47. (in Russ.)
14. **Kleimenov M. P., Korneev D. V.** Criminal leaders yesterday and today. *Bulletin of OmSU*, 2012, no. 3 (65), pp. 404–414. (in Russ.)

Информация об авторе

Зарубина Кристина Александровна, кандидат исторических наук

Information about the Author

Kristina A. Zarubina, Candidate of Historical Sciences

*Статья поступила в редакцию 17.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 07.03.2024
The article was submitted 17.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 346.6+346.7

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-32-43

Ценообразование в сфере теплоснабжения как инструмент обеспечения баланса частных и публичных интересов

Валерий Николаевич Лисица¹
Дмитрий Евгеньевич Семенов²

¹Институт государства и права РАН
Москва, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>
²primeconsulting@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3453-9169>

Аннотация

Рассмотрены два способа применения ценообразования как средства правового регулирования теплоснабжения: свободное ценообразование в ценовых зонах с ограничением максимальной цены конечного продукта – тепловой энергии, реализуемой потребителям, и традиционное государственное тарифное регулирование на остальных территориях. Сделан вывод о том, что действовавший ранее механизм государственного установления цен с достаточной степенью обеспечивал соблюдение интересов субъектов теплоснабжения. Противоположный же подход в рамках курса на либерализацию ценовой политики в рассматриваемой сфере существенно нарушил сложившийся баланс частных и публичных интересов, исключив применение государственного тарифного регулирования субъектов монополистической деятельности.

Ключевые слова

теплоснабжение, ценообразование, государственное регулирование цен, тарифное регулирование, естественные монополии, теплосетевые организации, теплоснабжающие организации, ценовые зоны, баланс интересов.

Для цитирования

Лисица В. Н., Семенов Д. Е. Ценообразование в сфере теплоснабжения как инструмент обеспечения баланса частных и публичных интересов // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 32–43. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-32-43

Price Formation in the Heat Supply Sphere as a Measure to Balance the Private and Public Interests

Valeriy N. Lisitsa¹
Dmitriy E. Semenov²

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

²Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹lisitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>

²primeconsulting@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3453-9169>

Abstract

Two ways of applying price formation as a means of legal regulation of the heat supply sector are analyzed. They are free pricing in price zones with the restriction of the maximum price of the final product – thermal energy being sold to consumers, and the traditional government regulation of prices in other territories. It is concluded that the previous legal mechanism of government price setting ensured the sufficient degree of interests of entities of the heat supply sector. The newly introduced opposite approach to pricing in its liberalization substantially infringes the balance of private and public interests throughout the exclusion of the government tariff regulation of subjects of monopolistic activity.

Keywords

heat supplying, pricing, government price regulation, tariff regulation, natural monopolies, heat distribution organizations, heat supply organizations, price zones, balance of interests

For citation

Lisitsa V.N., Semenov D. E. Price formation in the heat supply sphere as a measure to balance the private and public interests. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 32–43. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-32-43

Произошедшая в России в начале 1990-х гг. смена плановой экономики на рыночную сопровождалась разгосударствлением экономики и прекращением государственного регулирования цен. 1991 г. стал последним годом с государственным регулированием цен для большинства сфер деятельности¹. В результате в указанный период практически во всех сферах экономики у средств производства появился новый владелец – частный собственник. Не обошли указанные процессы и сферу теплоснабжения: энергетическое оборудование и тепловые сети перешли в руки частных владельцев, что обусловило особый состав участников отношений в данной сфере, с учетом появления также и новых участников – субъектов коммунальной сферы, – и особую структуру правоотношений между ними [5, с. 41]. В части же ценообразования было сохранено государственное регулирование цен на отпускаемую тепловую и электрическую энергию².

Впоследствии курс на сохранение государственного регулирования цен на услуги теплоснабжения был продолжен: в Указе Президента Российской Федерации от 28 февраля 1995 г. «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)»³ наряду с признанием необходимой дальнейшей либерализации цен установлено сохранение государственного регулирования цен (тарифов) на продукцию естественных монополий. В апреле 1995 г. принимается Федеральный закон «О государственном регулировании тарифов на электрическую

¹ См.: Указ Президента РСФСР от 3 декабря 1991 г. № 297 «О мерах по либерализации цен» // Рос. газета. 1991. 25 дек.

² Там же, п. 2

³ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 1995 г. № 221 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» // Собр. законодательства Российской Федерации. 1995. № 10. Ст. 859.

и тепловую энергию в Российской Федерации»⁴, а 26 марта 2003 г. вместе с «энергетическим» пакетом законов был подписан Президентом РФ также Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»⁵ с сохранением указанной концепции.

Итак, начиная с 1992 г. появившиеся новые участники правоотношений в сфере теплоснабжения (теплоснабжающие, теплосетевые организации, оперативно-диспетчерские службы, управляющие организации и прочие субъекты, так или иначе вовлеченные в технологический процесс централизованного теплоснабжения) выстраивали новую схему взаимодействия как с потребителями, так и друг с другом, на основе установленных правил, формировалась обширная судебная практика, зачастую заполнявшая пробелы правового регулирования.

В 2010 г. был принят Федеральный закон № 190-ФЗ «О теплоснабжении»⁶ (далее – Закон о теплоснабжении), который установил специальные правила о теплоснабжении по сравнению с энергоснабжением в целом. Одновременно Закон поставил точку во многих спорных вопросах, которые ранее возникали в отношении сферы теплоснабжения при применении прежнего законодательства. Так, новым Законом были разрешены вопросы о правовом статусе владельцев тепловых сетей, закреплены положения о государственном регулировании цен на услуги по передаче тепловой энергии, сохранено государственное регулирование иных тарифов в сфере теплоснабжения и установлен порядок взаимодействия между субъектами процесса теплоснабжения по поводу передачи тепловой энергии.

Учитывая многообразие участников процесса теплоснабжения, предметом регулирования соответствующих норм стали частные и публичные интересы: с одной стороны, интересы частных субъектов сферы теплоснабжения, а с другой стороны, интересы государства в обеспечении исполнения возложенных на него конституционных обязанностей. Соблюдение баланса экономических интересов, однако лишь в узком понимании – между интересами теплоснабжающих организаций и потребителей, было прямо закреплено в качестве одного из общих принципов организации отношений в сфере теплоснабжения⁷.

Следует отметить, что в юридической науке данному принципу в части взаимоотношений субъектов предпринимательства, потребителей и государства уделяется важное внимание [4, с. 43–61]. Он в определенной мере ограничивает права участников правоотношений, определяет пределы действия других принципов, к примеру, свободы договора [4, с. 43–44], и может найти свое отражение вне гражданских правоотношений, возлагая на государство принятие необходимых норм права [4, с. 44–45], открытость и доступность информации о нормах права [4, с. 46–47], пересмотр ранее заключенных между государством и субъектом предпринимательской деятельности соглашений по инициативе первого, но при условии возмещения убытков (выплаты компенсации) второму [4, с. 47], а также разумность и добросовестность государства и субъектов предпринимательской деятельности в их отношениях друг с другом [4, с. 47–52].

Более того, как справедливо указал Конституционный Суд Российской Федерации (далее также – «КС РФ», «Конституционный Суд»), принцип обеспечения баланса частных и публичных интересов является одним из основных критериев признания соответствия той или иной нормы или совокупности норм действующим конституционным положениям. Так, например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2010 г. № 14-П⁸

⁴ Федеральный закон от 14 апреля 1995 г. № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 1995. № 16. Ст. 1316; 1999. № 7. Ст. 880; 2003. № 2. Ст. 158.

⁵ Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. Ст. 1177.

⁶ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Рос. газета. 2010. 30 июля.

⁷ См.: п. 5 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2010 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме гражд-

КС РФ отметил, что, обеспечивая при осуществлении соответствующего правового регулирования баланс частных и публичных интересов в сфере народовластия, федеральный законодатель обязан учитывать, что цели ограничения прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально оправданными, а сами ограничения – адекватными этим целям и отвечающими требованиям справедливости; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры.

В другом постановлении КС РФ отметил, что право владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свобода предпринимательской деятельности и свобода договоров участников гражданского оборота, права и обязанности участников гражданско-правовых отношений не являются абсолютными правами, в связи с чем могут быть ограничены. Однако как сама возможность ограничений, так и их характер должны определяться на основе Конституции России, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Возможные ограничения федеральным законом права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров, по мнению Конституционного Суда, должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц⁹.

Государственное регулирование тарифов (цен), сохраненное, как было ранее отмечено, в законодательстве о теплоснабжении после перехода России к рыночной экономике, является одним из случаев вмешательства государства в гражданские правоотношения и ограничения свободы договора [6, с. 27]. Соответственно, в свете изложенного такое вмешательство должно отвечать требованиям справедливости [4, с. 47–51, 78–82], быть адекватным, пропорциональным, соразмерным и необходимым для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц. Таким образом, ценообразование и государственный контроль за ним являются не только экономической категорией – способом воздействия на инфляцию, но и правовой – инструментом обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Согласно нормам российского законодательства, теплосетевая организация (организация, оказывающая услуги по передаче тепловой энергии)¹⁰ выступает как субъект естественной монополии по отношению к теплоснабжающей организации¹¹. Теплоснабжающая организация является субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке как услуг по передаче тепловой энергии, так и услуг по теплоснабжению¹².

дан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А. М. Малицкого» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 5.

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2003 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона “Об аудиторской деятельности” в связи с жалобой гражданки И. В. Выставкиной» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 3.

¹⁰ Следует отметить, что теплосетевой организацией может быть и индивидуальный предприниматель. См.: п. 16 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

¹¹ См.: п. 1 ст. 4 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // Собр. законодательства Российской Федерации. 1995. № 34. Ст. 3426.

¹² См.: ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3434.

Монополизированные сферы экономики от немонаполизированных отличаются тем, что у субъектов первой «может возникнуть соблазн диктовать цены на свою продукцию потребителям» [7, с. 1], в связи с чем законодателем и введены такие отрасли законодательства, как законодательство о естественных монополиях, законодательство о защите конкуренции, одним из методов регулирования которых выступает ценовое регулирование. В литературе справедливо отмечается, что «вмешательство государства в отношения организаций естественных монополий обусловлено необходимостью соблюдения баланса интересов потребителей и предприятий, которые осуществляют поставку ресурсов и оказывают соответствующие услуги» [8, с. 5]. Это касается и других сфер, требующих государственного регулирования экономики [4, с. 51–52, 97, 171–172].

Нельзя не согласиться с тем, что «естественные монополии являются структурообразующими элементами российской экономики» [2, с. 11]. В этой связи «присутствие» государства в гражданских правоотношениях, возникающих в таких социально значимых сферах, как газовая, нефтяная, электроэнергетическая, составляющих топливно-энергетический комплекс, равно как в сферах транспорта, связи и некоторых других, посредством таких методов, как регулирование цен, сертификация, стандартизация и другие остается, по признанию авторов, «важнейшим фактором, обеспечивающим целостность и безопасность государства» [2, с. 11].

Становясь участниками гражданских правоотношений, субъекты права преследуют каждый свои цели: продавец блага заинтересован в более высокой цене, уменьшению размера своей ответственности и ограничению их случаев, в том числе посредством возложения части обязанностей на покупателя, покупатель блага заинтересован, соответственно, в обратном. Аналогичный антагонизм интересов присутствует и в отношениях в сфере теплоснабжения, в том числе и между самими субъектами, занимающими доминирующее положение. Как отмечается в литературе, «экономические интересы субъектов, включенных в сферу действия естественных монополий, во многом остаются противоречивыми, что требует от государства проведения сбалансированной, социально ориентированной и эффективной политики реформирования» [2, с. 13].

Иными словами, задача законодателя при регулировании сферы теплоснабжения – обеспечить не только баланс интересов теплоснабжающих организаций и конечных потребителей тепловой энергии, как заявлено в Законе о теплоснабжении¹³, но и баланс интересов самих субъектов, производящих, передающих тепловую энергию, осуществляющих иные сопутствующие функции, в отношениях друг с другом.

В этой связи стоит отметить, что задача обеспечения баланса интересов всех участников системы теплоснабжения не заявлена законодателем в числе принципов правового регулирования отношений в сфере теплоснабжения¹⁴. Упущение это или намеренное дистанцирование законодателя от обеспечения баланса интересов профессиональных участников системы теплоснабжения, либо восприятие государством обеспечения такого баланса как не имеющего правовой значимости – может быть отдельным предметом изучения.

В середине первого десятилетия 2000-х годов в юридической литературе отмечались несовершенства правового регулирования деятельности субъектов естественных монополий и ценовом регулировании, например: «во-первых, отсутствуют инструменты государственного регулирования в переходный период от естественно-монопольных рынков к конкурентным рынкам (здесь имеется в виду конкуренция между сетями, а не конкуренция внутри сети; т. е. когда на рынке работают несколько сетевых организаций и они конкурируют друг с другом); во-вторых, механизмы ценообразования осуществляются без учета стандартов качества услуг; в-третьих, не институционализированы отношения с потребителями; в-четвертых, отсутствуют косвенные методы государственного ценообразования» [7, с. 93].

¹³ См.: п. 5 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

¹⁴ См.: ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

Принятый в 2010 г. Закон о теплоснабжении закрепил для всех без исключения теплосетевых и теплоснабжающих организаций единый механизм определения экономически обоснованного размера тарифа на отпускаемую тепловую энергию и на услуги по передаче тепловой энергии. При этом цена последних непосредственно формирует конечный тариф на реализуемую потребителям тепловую энергию¹⁵. Нормативное регулирование предусматривало установление индивидуального тарифа для каждого субъекта на основе анализа и экспертизы представленной им бухгалтерской документации за предыдущий период регулирования, документации и расчетов о плановых расходах и затратах на регулируемый период. При этом регулирующий орган обязан проверять не столько фактические затраты, сколько их экономическую обоснованность, устанавливать экономически обоснованную прибыль. Целевое расходование средств за предыдущий период регулирования также учитывалось при установлении цен на следующий год¹⁶.

Сложившаяся правоприменительная судебная практика также закрепила основные общие принципы установления тарифов на регулируемые виды деятельности: недопустимость применения тарифов, установленных для другой организации¹⁷, и недопустимость определения тарифов на основании фактических расходов организации¹⁸. Так, Верховный Суд Российской Федерации указал, что обратный подход противоречит смыслу тарифного регулирования, поскольку фактические затраты не равны экономически обоснованным расходам¹⁹.

Поскольку правоотношения между теплосетевыми и теплоснабжающими организациями возникают в отношении одного и того же товара – тепловой энергии, – законодателем таким образом созданы правовые условия для недопустимости роста конечных цен на такой товар, вызванного исключительно надбавками в виде необоснованно установленных высоких цен на услуги лиц, передающих его. Такие меры по своей сути выступали гарантией прав конечных ее потребителей на доступность блага, имеющего жизненную необходимость, и в то же время предоставляли правовую возможность организациям, вовлеченным в процесс теплоснабжения, возмещать все необходимые расходы, в том числе и на сохранение и улучшение технического состояния теплового оборудования. Открытые заседания тарифных комиссий регулирующих органов, установление в нормативно-правовых актах одинаковых для всех лиц правил проверки экономической обоснованности заявленного регулирующей организацией тарифа создавали прозрачный механизм ценообразования в сфере теплоснабжения.

В 2014 г. Правительством Российской Федерации было принято решение о развороте курса регулирования системы отношений и модели ценообразования в сфере теплоснабжения. 2 ок-

¹⁵ См.: ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

¹⁶ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2012. № 44. Ст. 6022.

¹⁷ В судебной практике имеются решения о взыскании с теплоснабжающей организации в пользу теплосетевой организации стоимости услуг по передаче тепловой энергии в отсутствие установленно-го для последней в спорном периоде тарифа. Однако при этом размер цены определялся судом также по правилам, предусмотренным Основами ценообразования в сфере теплоснабжения, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения», как если бы тариф устанавливался регулирующим органом. См.: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2019 г. № 05АП-8279/2019 по делу № А51-542/2019 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2024).

¹⁸ В судебной практике встречались и противоположные выводы. Однако это связано было с конкретными обстоятельствами рассматриваемого спора, где суд на основе оценки обстоятельств дела принимал решение о возможности отступления от общего принципа.

¹⁹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2018 г. № 303-ЭС17-14909 по делу №А04-10896/2015 // Справ.-прав. система «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.02.2024).

тября 2014 года был утвержден план мероприятий («дорожная карта») «Внедрение целевой модели рынка тепловой энергии»²⁰, который предполагал обратный ранее принятому подход к регулированию сферы теплоснабжения: как указано в самом плане мероприятий – либерализацию отношений в сфере теплоснабжения, переход от прямого ценового регулирования к регулированию правил организации отношений в сфере теплоснабжения и государственному контролю за деятельностью теплоснабжающих и теплосетевых организаций, снижение административного регуляторного давления на бизнес.

В рамках заданного курса в июле 2017 г. в законодательство о теплоснабжении был введен концептуально новый метод правового регулирования, ранее не существовавший в российской правовой системе, – ценовые зоны теплоснабжения²¹. Отнесение конкретного региона России к ценовой зоне теплоснабжения означало отмену государственного регулирования тарифов на реализуемую потребителям тепловую энергию, на услуги по передаче тепловой энергии и иные услуги в сфере теплоснабжения²². Государство тем самым ограничило максимально возможную (предельный уровень) конечную цену на тепловую энергию, которая должна рассчитываться по методу «альтернативной котельной»²³. Данный метод предполагает установление предельной цены на тепло на уровне суммы, которую потребитель тратил бы на отопление с помощью собственной газовой котельной с учетом затрат на ее создание и эксплуатацию [3, с. 7]. Иными словами, если в обычном правовом регулировании тариф на тепло рассчитывался на основе затратного метода, то в основу метода «альткотельной» было заложено применение долгосрочного тарифа, основанного на возможности строительства новой котельной при использовании лучших из существующих технологий [1, с. 7]. Контроля за тем, действительно ли теплоснабжающая организация расходует поступающие за тепло деньги на модернизацию, переоборудование или строительство новых источников теплоснабжения, в частности с использованием «лучших из существующих технологий», не было предусмотрено²⁴.

²⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 октября 2014 г. № 1949-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Внедрение целевой модели рынка тепловой энергии» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 41. Ст. 5567.

²¹ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 279-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О теплоснабжении» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования системы отношений в сфере теплоснабжения» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4828.

²² См.: п. 1 ст. 23.4 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (в редакции Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 279-ФЗ). Следует отметить при этом, что правило об определении цены по соглашению сторон не распространяется на правоотношения, в которых субъект использует объекты теплоснабжения на праве аренды, которые находятся в государственной или муниципальной собственности. Для всех остальных случаев и субъектов предписано устанавливать цены на реализуемую тепловую энергию (мощность) (за исключением открытых систем теплоснабжения) и на услуги по передаче тепловой энергии, а также на иные указанные в ст. 23.4 Закона о теплоснабжении услуги, товары в сфере теплоснабжения – по соглашению сторон.

²³ Письмо Федеральной антимонопольной службы России от 15 января 2020 г. № СП/1561-ПР/20 «О представлении информации» // Справ.-прав. система «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.02.2024).

²⁴ Согласно статье 23.3. Закона о теплоснабжении, единая теплоснабжающая организация принимает на себя обязательства исполнять схему теплоснабжения, пунктом 16 статьи 23.13 названного Закона предусмотрены обязательные условия соглашения об исполнении схемы теплоснабжения. Соответственно, обязательства по строительству, модернизации, реконструкции теплового оборудования не конкретизированы, определение их состава отдается на откуп составителям схемы теплоснабжения и лицам, ее утверждающим. Ответственность теплоснабжающей организации за несоблюдение таких обязательств также выведена в отдельные правоотношения, в то время как при обычной системе регулирования невыполнение запланированных мероприятий в прошедшем году влекло уменьшение тарифа на следующий год. Таким образом, гражданам, которые платят заведомо завышенную цену за тепло

Следует отметить, что в условиях конкурентного рынка сторона, не удовлетворенная ценовыми условиями, предлагаемыми одним лицом, имеет возможность найти устраивающие ее условия у другого лица. В условиях же отсутствия конкуренции, когда стороны договора вынуждены заключать договор именно друг с другом, это невозможно. Дело в том, что в сфере теплоснабжения в силу особенностей технологического процесса тепловая энергия в виде теплоносителя может передаваться (перетекать) только от конкретных источников тепла и только через конкретные существующие тепловые сети. Соответственно их владельцы вынуждены вступать в правоотношения по передаче тепловой энергии друг с другом без возможности выбора других контрагентов.

Следовательно, учитывая противоположные экономические интересы каждой из сторон правоотношений по передаче тепловой энергии и отсутствие возможности выбора иного контрагента, в ценовых зонах имеются предпосылки для возникновения непреодолимых во внесудебном порядке споров по условиям договора: как минимум по вопросу размера цены на услуги по передаче тепловой энергии. В подобных спорах та или иная сторона, занимая определенное положение на рынке, может необоснованно настаивать на установлении в договоре более высокой или соответственно более низкой цены. Правила же о «неценовых зонах» исключали преддоговорные споры сторон договора об оказании услуг по передаче тепловой энергии в части определения цены на такие услуги, что с достаточной степенью обеспечивало баланс интересов соответствующих субъектов.

Для случаев возникновения разногласий в отношении цены на услуги по передаче тепловой энергии в ценовых зонах законодателем предусмотрено следующее правило: теплоснабжающая организация и теплосетевая организация осуществляют расчеты за оказываемые услуги по передаче тепловой энергии по цене, равной тарифу на услуги по передаче тепловой энергии, который был установлен в прежнем порядке для данной теплосетевой организации на дату окончания переходного периода (день, предшествующий началу действия ценовой зоны), с учетом его индексации²⁵. При этом дополнительно уточнено, что определенная таким образом цена применяется только в отношении услуг по передаче тепловой энергии через тепловые сети, которые учитывались при установлении указанного тарифа. В отношении же тепловых сетей, появившихся у организации после такого момента, такой тариф не применяется²⁶. Сторонам в таком случае предписывается самим разрешить вопрос о цене.

Методики (стандарта, параметров), по которым стороны договора об оказании услуг по передаче тепловой энергии могут рассчитать договорную цену в отношении новых тепловых сетей, законодателем не было предложено. Законодатель лишь указал, что при недостижении согласия и решении передать дело для разрешения в суд обязателен досудебный порядок, и установил орган, уполномоченный рассматривать такие разногласия. Однако и уполномоченному органу для досудебного разрешения спора законодатель не установил каких-либо правил.

Из общей теории гражданского права известно, что на случай разногласий сторон договора по цене законодателем предусмотрено правило п. 3 ст. 424 Гражданского кодекса Российской Федерации²⁷ (далее – ГК РФ). Согласно данному правилу, в случаях, когда в возмездном

как за строительство новых, современных систем теплоснабжения, не гарантировано таковое, и фактически за эту цену не получают ничего нового. Принятие теплосетевыми организациями на себя обязательств по модернизации, реконструкции и строительству тепловых сетей законом напрямую не предусмотрено, – данное условие подлежит включению в договор об оказании услуг по передаче тепловой энергии, однако требования к объему таких обязательств не предусмотрены.

²⁵ См.: ч. 5 ст. 23.4 Закона о теплоснабжении (в редакции, действующей с 31 июля 2017 г.).

²⁶ См.: абз. четвертый п. 61 (1) Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2012 г. № 808 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2012. № 34. Ст. 4734.

²⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги.

Однако в отношении сферы теплоснабжения – в условиях отсутствия рынка услуг по передаче тепловой энергии как такового – представляется проблематичным поиск цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги²⁸. Таким образом, отсутствие договоренности сторон в отношении цены на услуги по передаче тепловой энергии не может быть восполнено посредством поиска и применения цен иных лиц на аналогичные услуги.

Общеизвестно, что цены на энергоресурсы непосредственно определяют уровень цен на производимые в стране товары, работы и услуги. Следовательно, недопущение необоснованно их увеличивать является одной из ключевых задач государства.

В литературе неоднократно отмечается, что цены на продукцию и услуги отраслей энергетики постоянно растут. «Руководители соответствующих отраслей уверяют, что значительную часть прибыли они направляют в инвестиции. Но согласно экономической теории научно-технический прогресс должен приводить к сокращению издержек производства и, как следствие, к снижению цен, а не к их повышению» [5, с. 94]. При этом, как отмечается, «в данных отраслях реализуются громадные объемы прибыли и ренты, за счет которых можно отрегулировать эти процессы, а не перекладывать механически рост затрат на потребителей продукции. Повышение цен в этих отраслях «по цепочке» передается во все другие отрасли экономики и в конечном счете выливается в рост цен на потребительские товары» [7, с. 94].

Однако статистические данные не подтверждают вышеуказанные утверждения руководителей предприятий энергетической промышленности: за последние 20 лет реальные инвестиции в сферу теплоснабжения напротив, значительно снизились, при том что тариф на тепловую энергию неуклонно растет и за период, например, с 2000 по 2018 г. увеличился на 92 % (при инфляции 51 %) [9, с. 258–263].

Если на территориях Российской Федерации, где продолжает действовать государственное регулирование цен (условно назовем их «неценовые зоны»), регулирующим органом при рассмотрении тарифного дела на каждый следующий год осуществляется контроль за целевым использованием за предыдущий год денежных средств, полученных субъектом в качестве дохода за отпущенную тепловую энергию или услуги по передаче тепловой энергии, в том числе на запланированные мероприятия в отношении улучшения теплового оборудования²⁹, то действующее законодательство в отношении ценовых зон такого контроля не предполагает.

В ценовых зонах, таким образом, участникам технологического процесса теплоснабжения, являющимся субъектами предпринимательской деятельности и преследующими основную цель – извлечение прибыли из своей деятельности, – созданы условия для еще большего снижения интереса в ежегодной и планомерной реализации планов по внедрению соответ-

²⁸ Более того, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что если в ходе переговоров одной из сторон предложено условие о цене или заявлено о необходимости ее согласовать, то такое условие является существенным для этого договора (п. 1 ст. 432 ГК РФ). В таком случае, указывает высшая судебная инстанция, отсутствие согласия по условию о цене или порядке ее определения не может быть восполнено по правилу п. 3 ст. 424 ГК РФ и договор не считается заключенным до тех пор, пока стороны не согласуют названное условие, или сторона, предложившая условие о цене или заявившая о ее согласовании, не откажется от своего предложения, или такой отказ не будет следовать из поведения указанной стороны. См.: п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Рос. газета. 2019. 11 янв.

²⁹ См.: Основы ценообразования в сфере теплоснабжения, утверждённые Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения».

ствующих систем улучшения качества услуг и повышения энергосбережения, что очевидно не отвечает задаче обеспечения реализации публичных интересов. Учитывая, что улучшение качества теплоснабжения и повышение энергосбережения влечет уменьшение потребления энергии и, как следствие, уменьшение платежей за нее, т. е. доходов теплоснабжающих организаций, то отсутствие и дальнейшее снижение такого интереса становится понятным.

Таким образом, можно заключить, что установленное для «неценовых зон» законодательное положение в значительной степени обеспечивает баланс интересов как между теплоснабжающими организациями, с одной стороны, и экономически более слабой стороной – потребителем – с другой, так и между самими формально экономически равными по отношению друг к другу хозяйствующими субъектами сферы теплоснабжения, что отвечает первостепенной задаче антимонопольного законодательства и способствует стабильности гражданского оборота. При этом действующее законодательство предусматривает возможность организациям включать в устанавливаемые тарифы все необходимые расходы не только на стандартные текущие статьи затрат, но также и на ремонт, реконструкцию, модернизацию соответствующего теплового оборудования, что отвечает требованиям повышения качества оказываемых услуг, улучшению энергоэффективности энергосбережения, как следствие, обеспечивая реализацию публичных интересов в сфере теплоснабжения.

Мировой опыт показывает, что устранение государства от управления и контроля за экономической сферой создает условия для многочисленных злоупотреблений хозяйствующих субъектов в их бесконтрольном желании получения максимальной прибыли, что зачастую влечет пренебрежение интересами общества. Однако анализ принятой государством в 2014 г. новой стратегии правовых реформ сферы теплоснабжения показывает, что такая стратегия имеет существенные недостатки с точки зрения обеспечения баланса частных и публичных интересов, и их дисбаланс стал еще более очевидным после введения данной новой стратегии.

Дело в том, что новые правила для ценовых зон теплоснабжения создают предпосылки для увеличения числа судебных споров между теплоснабжающими и теплосетевыми организациями, возникновения неопределенности в их правовом положении по отношению друг к другу. Они формируют отсутствие заинтересованности субъектов процесса теплоснабжения во внедрении энергосберегающих технологий, модернизации оборудования и технологических процессов с целью повышения энергосбережения, улучшения качества теплоснабжения и развития системы теплоснабжения страны в целом, а также лишают конечных потребителей той публичной защиты их интересов, которая ранее осуществлялась в форме реализации полномочий регулирующего органа при государственном регулировании цены (в том числе при осуществлении проверки целевого расходования доходов субъектами теплоснабжения).

Установив курс на либерализацию в сфере теплоснабжения, государство, как было показано выше, устранилось не просто от участия в процессе ценообразования на тепловую энергию и сопутствующие услуги, но и от решения проблемы понуждения теплоснабжающих и теплосетевых организаций, которые приняли в наследство от Советского Союза мощное и передовое по тем временам теплоснабжающее хозяйство страны, исполнять фактически возложенную ими на себя социальную функцию и функцию обеспечения безопасности, индустриального развития и экономического роста страны. Контролирующая роль государства в сфере теплоснабжения в ценовых зонах (которые предполагается распространить на территории страны) свелась исключительно к математическому ежегодному увеличению предельного уровня цены на тепловую энергию. Частные владельцы теплового и энергетического оборудования в ценовых зонах более не связаны необходимостью обосновывать назначаемые ими цены потребителям, не обременены под угрозой уменьшения цены на следующий год обязанностью отчитываться о выполнении запланированных на соответствующий период мероприятий по ремонту, реконструкции и модернизации системы теплоснабжения.

Подводя в целом итог, следует заключить, что ценообразование в сфере теплоснабжения является комплексным инструментом обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Оно не только подразумевает ограничение необоснованного роста цен на жизненно важный продукт, но и включает в себя меры стимулирования субъектов сферы теплоснабжения улучшать и развивать тепловое хозяйство страны. Однако в разработанном в 2014 г. и внедряемом с 2017 г. государством концептуально новом подходе к правовому регулированию сферы теплоснабжения данный эффективный инструмент исключен из правовых механизмов воздействия на лиц, реализующих и передающих тепловую энергию, которые к тому же, как известно, являются субъектами монополистической деятельности. Представляется, что такое ограничение не только создает дисбаланс и неопределенность в гражданских правоотношениях субъектов указанной сферы между собой, но и существенно ущемляет публичные интересы, что требует пристального внимания со стороны законодателя.

Список литературы

1. **Варламова А. Н.** Публичные службы и публичный интерес в конкурентном праве // Конкурентное право. 2017. № 4. С. 3–7; 2018. № 1. С. 12–15.
2. **Ерина Е. Н.** Формы и методы административно-правового регулирования деятельности субъектов естественных монополий в топливно-энергетическом комплексе // Реформы и право. 2009. № 1. С. 11–20.
3. **Изотова А. В.** Основные направления в развитии государственного регулирования цен на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации // Закон. 2015. № 1. С. 55–61.
4. **Лисица В. Н.** Принципы международного инвестиционного права. Новосибирск: НГУ, 2009. 246 с.
5. **Матияшук С. В.** Система договорных отношений по электро- и теплоснабжению в условиях развития когенерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012. 55 с.
6. **Медолазов К. Л.** Правовой аспект государственного регулирования тарифов (цен) в условиях рыночной экономики // Юрист. 2004. № 11. С. 27–30.
7. **Метелева Ю. А.** Правовое регулирование ценообразования в сфере естественных монополий // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 91–101.
8. **Серова В. К.** О некоторых вопросах судебной практики по спорам, связанным с расчетами по регулируемым ценам // Арбитражные споры. 2019. № 1. С. 5–18.
9. **Терентьева А. С.** Анализ основных проблем централизованного теплоснабжения в России на современном этапе / Научные труды: Институт народнохозяйственного планирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 253–273.

References

1. **Varlamova A. N.** Public services and public interest in competition law. *Competition law*, 2017, no. 4, pp. 3-7; 2018, no. 1, pp. 12–15. (in Russ.)
2. **Erina E. N.** Forms and methods of administrative and legal regulation of the activities of subjects of natural monopolies in the fuel and energy complex. *Reforms and Law*, 2009, no. 1, pp. 11–20. (in Russ.)
3. **Izotova A. V.** The main directions in the development of state regulation of prices for electric and thermal energy in the Russian Federation. *Law*, 2015, № 1, pp. 55–61. (in Russ.)
4. **Lisitsa V. N.** Principles of international investment law. Novosibirsk, Novosibirsk State University publ., 2009, 246 p. (in Russ.)
5. **Matiyashchuk S. V.** The system of contractual relations for electricity and heat supply in the context of the development of cogeneration: Abstract. diss. ... doct. Jurid. Sciences. St. Petersburg, 2012, 55 p. (in Russ.)
6. **Medolazov K. L.** The legal aspect of state regulation of tariffs (prices) in a market economy. *Lawyer*, 2004, no. 11, pp. 27–30. (in Russ.)

7. **Metleva Yu. A.** Legal regulation of pricing in the field of natural monopolies. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 10, pp. 91–101. (in Russ.)
8. **Serova V. K.** On some issues of judicial practice in disputes related to settlements at regulated prices. *Information and analytical journal «Arbitration Disputes»*, 2019, no. 1, pp. 5–18. (in Russ.)
9. **Terentyeva A. S.** Analysis of the main problems of district heating in Russia at the present stage. Scientific papers: Institute of National Economic Planning of the Russian Academy of Sciences. Moscow, MAKS Press, 2020, pp. 253–273. (in Russ.)

Информация об авторах

Лисица Валерий Николаевич, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
SPIN 6003-1410

Семенов Дмитрий Евгеньевич, аспирант Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета
SPIN 4468-2539

Information about the Authors

Valeriy N. Lisitsa, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Researcher of Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
SPIN 6003-1410

Dmitry E. Semenov, PhD student, Philosophy and Law Institute of Novosibirsk State University
SPIN 4468-2539

*Статья поступила в редакцию 21.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 21.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 347.61/64

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-44-51

Правовая динамика отношений родителей и детей

Мария Владимировна Громоздина

Новосибирский государственный университет экономики управления

Новосибирск, Россия

gromlaws@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об отношениях между родителями и детьми с учетом правового статуса последних, а именно: как преобразуется правовая связь между родителями и детьми по мере их взросления и достижения совершеннолетия. Традиционное понимание детско-родительских отношений рассматривается как один из этапов отношений между родителями и детьми, но не завершающийся совершеннолетием детей, так как родство является бессрочным фактором, влияющим на все последующие отношения, возникающие между ними. Проводится небольшой историко-правовой анализ отношений между родителями и детьми, подтверждающий выводы автора о динамике развития обозначенных отношений.

Ключевые слова

алиментные отношения, возраст, дееспособность, дети, детско-родительские отношения, наследование, ответственность, представительство, родители, родительские права, родство, семья, совершеннолетие

Для цитирования

Громоздина М. В. Правовая динамика отношений родителей и детей // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 44–51. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-44-51

Legal Dynamics of Parent-Child Relationships

Marya V. Gromozdina

Novosibirsk State University of Economics and Management

Novosibirsk, Russian Federation

gromlaws@mail.ru

Annotation

The article examines the issue of the relationship between parents and children, taking into account the legal status of the latter, namely: how the legal relationship between parents and children is transformed as they grow up and reach adulthood. The traditional understanding of child-parent relations is considered as one of the stages of the relationship between parents and children, but not ending with the coming of age of children, since kinship is an indefinite factor affecting all subsequent relationships that arise between them. The article provides a small historical and legal analysis of the relationship between parents and children, confirming the author's conclusions about the dynamics of the development of these relations under the influence of social, economic, and cultural processes taking place in society.

Keywords

alimony relations, age, legal capacity, children, child-parent relations, inheritance, responsibility, representation, parents, parental rights, kinship, family, adulthood

For citation

Gromozdina M. V. Legal dynamics of parent-child relationships. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 44–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-44-51

© Громоздина М. В., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1

Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1

В семейно-правовой доктрине сформулировано множество понятий, раскрывающих сущность семейных правоотношений, суть которых сводится к тому, что это личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи, основанные на браке, родстве или принятии детей в семью на воспитание, урегулированные нормами права. При этом отмечается, что важной особенностью этих отношений является то, что в них участвует ребенок и тем самым образует самостоятельный вид семейных отношений как детско-родительские или просто родительские. Это отношения, которые возникают не только между родителем (родителями) и ребенком, а также матерью и отцом ребенка относительно его воспитания и содержания. Такая позиция представляется вполне корректной, но требует ряда уточнений типа: являются ли отношения детско-родительские и родительские тождественными и включаются ли отношения между самими родителями в эту группу отношений. Представляется, что эти уточнения являются принципиальными, так как существенно влияют на характер дискуссии об отношениях между родителями и детьми.

Принято считать и говорить, что отношения между родителями и детьми – это отношения, которые возникают с момента рождения детей и до их совершеннолетия. Именно этим отношениям уделяется внимание при их изучении. Безусловно, что не оспаривается факт биологической и юридической связи между детьми и родителями после совершеннолетия детей, но вместе с тем специфика правоотношений между собственно взрослыми детьми и их родителями с позиции правового регулирования не исследуется, что представляет правовой пробел. Из этого следует, что понятие «родительские отношения» как разновидность семейных отношений шире, чем понятие детско-родительских отношений, и что родительские отношения могут включать еще одну самостоятельную подгруппу отношений с названием «межродительские отношения», а детско-родительские отношения их не включают.

Сама структура и содержание семейных отношений представляются непростыми и, как отмечает В. А. Рясенцев, необходимо различать семейные фактические отношения и семейные правоотношения [1, с. 58], а также семейные отношения и семейные правоотношения. Применительно к отношениям между родителями и детьми в некотором смысле такой подход также уместен, например, в случаях, когда родитель (отец) по каким-то причинам не устанавливает своего отцовства в отношении биологически родного ему ребенка, но осуществляет родительские права по его воспитанию и содержанию, взаимодействует с матерью ребенка, но при этом не создавая юридических связей. Такие отношения можно считать фактическими детско-родительскими отношениями, которые при определенных обстоятельствах могут измениться в семейные (родительские) правоотношения, как в порядке ст. 49 Семейного кодекса РФ, так и в порядке ст. 50 Семейного кодекса РФ.

В продолжение начатой дискуссии укажем, что О. С. Иоффе, анализируя правоотношения, отмечал, что некоторые общественные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях преобразуются в правовые отношения или выступают в качестве одного из оснований их возникновения, и ссылаясь в качестве примера на родственные отношения, которые не всегда связаны с наличием прав и обязанностей, а следовательно, не всегда являются правовыми отношениями [2, с. 519]. Применительно к отношениям между родителями и детьми такой подход может использоваться с учетом возраста детей, а именно:

- в случаях несовершеннолетия детей родители и дети связаны не только родством, но и законом, устанавливающим права и обязанности родителей перед детьми;
- в случаях достижения совершеннолетия детьми, родственная связь между ними и родителями остается, но ее юридический характер утрачивается, что преобразует их правоотношения в общественные;
- в случаях возникновения ситуации, вызванной необходимостью предоставления взаимного содержания в виде алиментов (взрослые дети – нетрудоспособные родители и наоборот), общественные отношения, но обусловленные родством, преобразуются в правоотношения,

т. е. «родство, иррелевантное до известного момента, может породить новую правовую связь» [2, с. 519].

Вместе с тем, как справедливо отмечал В. А. Рясенцев, «Не каждое возникшее семейное правоотношение осуществляется, т. е. не все субъекты семейного правоотношения реализуют свои права, исполняют свои обязанности» [1, с. 63], говоря о том, что некоторые участники не только не стремятся осуществлять свои права и обязанности, но и осознанно их игнорируют, как в случае злостной неуплаты алиментов в результате установления отцовства в судебном порядке. Очевидно, что имеются установленные (активные) семейные правоотношения, но стороны по причине своего личного отношения к ситуации намеренно их избегают. Совершенно верно было отмечено О. С. Иоффе, что «отношения родства такой степени (родители и дети) при прочих необходимых условиях предполагают сами по себе моральную обязанность оказания материальной помощи» [2, с. 519].

Сложная взаимосвязь между моралью и правом в семейных правоотношениях не позволяет сделать однозначного вывода о приоритете одного над другим. Вместе с тем отмечается, что, превращаясь из морально-родственных в правовые отношения, они приобретают максимально возможную устойчивость и снабжаются необходимыми гарантиями их реального осуществления [2, с. 520]. Из чего следует, что возложение обязанности моралью (через мораль) не способно обеспечить ее исполнение, в то время как правовая норма это выполняет, что подтверждается в п. 1 ст. 1 Семейного кодекса РФ о взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов.

Моральные обязательства человека, которые возникают вследствие норм, требующих высокого нравственного качества поведения, не исчерпываются и в случаях, когда обязательства сводятся к выполнению какого-либо конкретного действия [3, с. 14]. Если рассмотреть обязанность родителя по содержанию ребенка в виде принудительного взыскания алиментов, в значительном количестве случаев очевидно, что такой родитель исполняет обязанность не в силу своей высокой морали и нравственности, а в силу обязанности, исполнение которой находится под соответствующим контролем, но при этом родительские любовь и забота совершенно отсутствуют.

Тем не менее праву, чтобы вмешаться в моральные отношения между людьми, ограничить или запретить то или иное безнравственное поведение, действительно нужны твердая опора и убедительные основания [3, с. 247]. Относительно отношений между родителями и детьми таким «убедительным» основанием является родство, формирующее правовую связь.

К сожалению, следует отметить, что некоторые проблемные вопросы в отношениях родителей и детей, в том числе надлежащее исполнение родительских прав по воспитанию и содержанию детей, в частности, алиментные обязательства, не разрешены в течение долгого времени. В качестве одной из причин, объясняющей такую «негативную» стабильность, можно указать мнение Г. В. Мальцева, что «под давлением непристойной культуры изменяется отношение людей к безнравственности, в сторону терпимости и либерализации, в результате чего все большее число людей перестают адекватно реагировать на плохое (аморальное и непристойное поведение других), занимают позиции безразличия либо потворства, потакания тому дурному, что вокруг них происходит» [3, с. 247]. Попросту говоря, общество недостаточно чутко реагирует на неисполнение законных родительских обязанностей по уплате алиментов, и такие родители не боятся попасть в зону «общественного гнева и/или неодобрения» как среди коллег, так и среди родственников. Эта позиция констатируется современными исследователями, которые отмечают, что практически не сдвинулось с места решение проблемы алиментных обязательств [4, с. 389].

Выделяя детско-родительские отношения в группе семейно-правовых отношений, следует согласиться с некоторыми исследователями [5, с. 5–65; 6, с. 403–404], которые к специфичным чертам семейных отношений относят:

- 1) своеобразие возникновения – из родства;

- 2) длящийся (бессрочный) характер связи родителей и детей;
- 3) конкретизацию их участников, их незаменимость в данных отношениях другими лицами, в том числе и иными членами семьи, и как следствие этого, неотчуждаемость семейных прав и обязанностей;
- 4) непередаваемость (незаменимость) прав и обязанностей;
- 5) лично-доверительный характер, поскольку главное место в них занимают именно личные связи членов семьи.

Безусловно, обозначенные признаки свойственны детско-родительским отношениям, но имеют некоторые особенности: например, помимо родства следует выделить усыновление, суррогатное материнство, посмертную репродукцию, донорство, что в некотором виде меняет традиционные подходы в понимании родства. На современном этапе развития медицинских технологий, связанных с деторождением, случился определенный сдвиг в правовом регулировании вопросов отцовства и материнства, родительства в целом. Специфика родства как юридического факта проявляется не только на стадии возникновения соответствующего семейного отношения, но и в процессе реализации прав и обязанностей его участников. При этом речь идет о правах и обязанностях не только семейно-правового характера, но и тех, которыми наделены субъекты этих правоотношений, нормами других отраслей права [7, с. 40].

Для участников семейных правоотношений существующий правовой статус представляется недостаточно полным, так как не раскрывает специфику отношений с другими участниками и связанность с нормами других отраслей права, а следовательно, нуждается в расширении. Именно такой подход и понимание отмечала Р. П. Мананкова, указывая, что правовой статус, рассматриваемый как единая обобщающая категория, как модель одинаково применимая для характеристики положения любого гражданина, не может охватить все разнообразия возможностей, предоставляемых личности нормами права. Наряду с понятием «общий правовой статус» в правовой научный оборот начинает все шире внедряться термин «специальный правовой статус». Термин «правовой модус» как синоним специального правового статуса «...представляется более точным, определяющим именно меру специфических прав и обязанностей, особое положение определенных категорий людей... для отражения многообразия правовых ситуаций, в которых оказывается личность» [8, с. 684–685]. Далее подчеркивается, что «...в правовом модусе должна закрепляться не просто социальная, а именно правовая роль личности. Модус должен характеризовать определенную систему социальных связей, в которых оказывается личность, а не одно какое-либо общественное отношение» [8, с. 685].

Исследование специфических черт в отношениях между детьми и родителями позволяет более глубоко понять правовую природу этих отношений и их эволюцию в межотраслевом контексте. Продолжающаяся научная дискуссия о том, что семейные отношения имеют смешанную, межотраслевую природу, не исключает возможности выделять детско-родительские отношения в отдельную группу отношений, имеющих особую значимость и ценность, регулирование которых происходит на основе норм преимущественного семейного законодательства. Именно поэтому исторически сложившееся «раздельное» существование семейного и гражданского законодательства требует осмысленной доктринальной оценки на данном этапе экономического развития [4, с. 385].

Сосредоточиваясь на исследовании отношений между родителями и детьми, представляющими наиболее яркую и особую группу семейных правоотношений, можно явно выделить два вида отношений: собственно детско-родительские и постродительские отношения.

В первой группе отношений в основе заложена родительская обязанность воспитывать и содержать ребенка. Ребенок является «поглотителем», объектом родительских влияния и заботы. Никакой встречной обязанности у ребенка нет. Такая ситуация объясняется вполне объективными данными, связанными с тем, что «в первое время своего существования человек, как и всякое другое существо, является совершенно беспомощным и без содействия других лиц должен быть обречен на гибель» [9, с. 571]. Именно поэтому «государство возлагает на ро-

дителей обязанность вскармливания и воспитания и передает им необходимую для этих целей власть» [9, с. 571].

Характеризуя родительскую власть, следует учитывать ретроспективный подход на формирование объема этой власти. Так, родительская власть от господства отца над детьми, как рабами, постепенно ограничивалась и в настоящее время представляет собой не столько власть, сколько обязанность родителей воспитывать и содержать детей. Однако это был долгий путь длиной более чем четыре века. Например, Судебник 1550 года закрепляет некоторые ограничения на продажу детей, наказание за убийство детей. Наиболее прогрессивные решения были приняты Петром I и Екатериной II, благодаря которым устанавливались запреты на отдачу детей в монастырь, найм, замуж и безграничное их наказание.

Говоря о родительской власти, надо отметить, что она сливалась с властью домовладыки (властью отца и мужа) и распространялась на жену (мать детей), из чего следует, что мать не являлась субъектом родительской власти, а выступала «в качестве подвластного лица» [9, с. 572]. Мать имела власть над детьми только в случае смерти отца (мужа) или в отношении внебрачных детей.

Декреты советской власти о браке и семье после Великой Октябрьской Социалистической революции сформулировали новые положения в семейном законодательстве, искоренив господство мужа и отца, неравенство внебрачных и законнорожденных детей и др. Впоследствии были приняты кодексы 1918, 1926, 1969 годов, в которых закреплялись нормы, отражающие заботу о детях и родителях, провозглашая приоритет интересов детей при осуществлении родительских прав. Вместе с тем следует отметить, что «создание нового семейного уклада и утверждение в жизни принципов нового права проходило отнюдь не гладко» [1, с. 45], а именно это касалось вопросов опеки, усыновления и установления отцовства из-за опасений эксплуатации детей и иных злоупотреблений со стороны граждан. В дальнейшем были приняты постановления ЦИК и СНК СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, направленные на укрепление и охрану материнства и детства, внося существенные изменения в семейное законодательство, выразившиеся в введении Основ законодательства СССР и союзных республик о браке и семье, утвержденные Верховным Советом СССР 27 июня 1968 года для подготовки республиканских кодексов. Так, семейное законодательство советского периода заложило серьезный фундамент для формирования действующего брачно-семейного законодательства не только Российской Федерации, но и бывших союзных республик, особенно на начальном этапе после распада СССР.

Современное законодательство о семье и браке закрепляет, что осуществление родительских прав строго направлено на охрану и защиту интересов ребенка, которые являются приоритетными в сравнении со всеми иными интересами, в том числе самих родителей.

Если рассматривать отношения детско-родительские, то семейное законодательство устанавливает такие сферы регулирования, как осуществление родительских прав, включающих: права и обязанности родителей, ограничение и лишение родительских прав, алиментные обязательства и др., почти все из перечисленного заканчивает свое регулирование в прямом виде после достижения ребенком совершеннолетия. При этом отметим, что не прямое регулирование сохраняется на протяжении всей жизни и может быть связано с такими фактами, как лишение родительских прав и неуплата алиментов на содержание ребенка.

Как и прежде, «центральная ценность» для семейного законодательства – интересы несовершеннолетних детей, и российский законодатель уверенно движется по пути все более полного учета таких интересов [4, с. 388]. Несмотря на то что тема о сущности детских интересов не является новой, она все еще является актуальной, прежде всего по той причине, что обозначить четкий перечень этих интересов невозможно при том, что имеется понимание того, что они представляют собой в целом как совокупность интересов ребенка. Подтверждением тому является предложение о внесении изменений в ст. 57 Семейного кодекса РФ об интересах ребенка, а именно, что интересы ребенка заключаются в создании ему условий, необходи-

мых для его жизни и благополучного развития в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Также предлагается наивысшими интересами ребенка считать защиту его жизни и здоровья и сохранение детско-родительских отношений. К числу важнейших интересов ребенка отнесены «крепкая семья и сохранение брака родителей, формирование и сохранение в глазах ребенка авторитета родителя, управление, руководство родителя ребенком и контроль над ним». В принципе, подобное предложение затруднительно назвать прогрессивным и оригинальным, скорее констатирующим. В Семейном кодексе уже имеются положения, закрепляющие, что родители должны дать образование, заботиться о здоровье, нравственном и физическом развитии детей, обеспечивать потребности в пище, одежде, психологическом здоровье. Однако надлежащее осуществление родительских прав как качественный критерий исполнения родительских прав и обязанностей не имеет формально-определенного выражения.

Развитие общественных отношений в мире, безусловно, влияет на представления о модели отношений между родителями и детьми. Так, зарубежными исследователями была представлена новая модель родительских прав, которая смещает акцент закона на нужды родителей и детей по отношению друг к другу, а также на способы, которыми государство может поддерживать эти потребности. Таким образом, модель рассматривает родительские права в целом как вид отношений, а не как права контроля, ориентированные в первую очередь на родительские прерогативы [10]. Кроме того, не оспаривается, что дети нуждаются в родительском руководстве и заботе, поскольку первичная привязанность детей к своим родителям является единственным наиболее важным фактором в их благополучии и развитии. Однако руководство и забота не должны приравниваться к неограниченному родительскому авторитету или контролю. Дети глубоко привязаны к своим воспитателям и являются независимыми личностями с интересами, отличными от интересов своих родителей.

Правоотношения всегда неоднородны, и это подтверждается взрослением детей и наделением/расширением дееспособности, как указывается в Гражданском кодексе РФ: дети до 6 лет, дети до 14 лет, дети с 14 до 18 лет.

Возраст – это индивидуальный критерий ребенка, в содержании которого проявляются разнофункциональные элементы, как статистические, так и динамические; первые проявляются в принадлежности любому и каждому лицу вне зависимости от возраста, вторые приобретают особое значение применительно к характеристике ребенка, поскольку изменение его возраста указывает на его принадлежность к разным группам [7, с. 62].

Возвращаясь немного к истории вопроса, отметим, что «пол и возраст детей не являлись основанием для ограничения родительской власти, а потому взрослые дети находились в родительском повиновении, что, по мнению Г. Ф. Шершеневича, «становится в противоречие с жизнью» [9, с. 573].

Не вдаваясь в подробный анализ, все же следует отметить, что взросление ребенка по действующему семейному законодательству и отдельным нормам гражданского дает ему больше юридической свободы, но не всегда родителям. Например, достижение ребенком возраста 10 лет обязывает родителя и других лиц учитывать его мнение в порядке 57 СК РФ.

Оценка качества действий родителей как воспитателей осуществляется удовлетворением потребностей ребенка, для чего могут привлекаться психологи, педагоги, включая органы опеки и попечительства. Итогом ненадлежащего осуществления родителями обязанностей может быть ограничение или лишение их родительских прав, что будет иметь правовые последствия за пределами «детско-родительских отношений», когда совершеннолетние дети будут/должны заботиться о своих родителях.

Правовое регулирование отношений между родителями и детьми в зависимости от их вида различается. Для первого вида характерно регулирование нормами семейного законодательства и прежде направлено на неимущественные отношения между родителями и детьми. Для второго вида отношений характерно гражданско-правовое регулирование, которое осу-

ществляется нормами гражданского законодательства. Хотя говорить о строгом отраслевом регулировании нельзя, скорее, это смешанное регулирование.

Второй вид правоотношений между родителями и детьми появляется по достижению детьми 18 лет, в связи с чем у родителей принципиально меняется статус: прямые обязанности, существующие ранее, отпадают, остается биологическая связь (родство), которое имеет важное значение, но характер взаимоотношений приобретает черты «паритета», что подразумевает отсутствие прямых прав и обязанностей как у родителей, так и детей. Отношения взрослых детей и родителей строятся на сохранении родства и направлены на их поддержание с учетом традиционных семейных ценностей, при этом семейные правоотношения могут существовать не только внутри одной семьи, но и между отдельными членами разных семей [1, с. 58]. Так, например, когда взрослые дети проживают в семье со своими детьми, но продолжают заботиться, в том числе материально, о своих родителях. Описанная семейная ситуация демонстрирует не столько фактическое состояние нескольких семей, а скорее семейные правоотношения между близкими родственниками, которые формально являются членами разных семей.

Характерной особенностью второй группы отношений представляется доминирующий имущественный характер отношений, регулируемых преимущественно нормами гражданского законодательства: это отношения по наследованию, исполнению алиментных обязательств и др. Более подробное изучение и анализ этой группы отношений будет продолжен в последующем.

Из описанного выше можно сделать вывод, что правовое регулирование отношений между родителями и детьми на протяжении их жизни видоизменяется, но не прерывается, происходит переход из семейного в гражданско-правовое регулирование преимущественно. Некоторые институты прекращают прямое действие (законное представительство, родительские права и др.), а некоторые преобразуются (например, наследственные правоотношения, алиментные правоотношения).

Список литературы

1. **Рясенцев В. А.** Семейное право. Советское изобретательское право: Избр. тр. М.: Проспект, 2023. 480 с.
2. **Иоффе О. С.** Гражданское право: Избр. тр. М.: Статут, 2000. 777 с.
3. **Мальцев Г. В.** Нравственные основания права. М.: Норма, 2018. 400 с.
4. **Михеева Л. Ю.** Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права. М.: Статут, 2019. С. 385.
5. **Ворожейкин Е. М.** Семейные отношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972.
6. **Кашанина Т. В., Кашанин А. В.** Основы российского права. М., 1996.
7. **Летова Н. В.** Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: Монография. М.: Проспект, 2020. 144 с.
8. **Мананкова Р. П.** Общая долевая собственность. Правовой статус членов семьи. М.: Статут, 2021. 744 с.
9. **Шершеневич Г. Ф.** Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.
10. **Dailey A. C., Rosenbury Laura A.** The new parental rights. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4086&context=dlj>

References

1. **Ryasentsev V. A.** Family law. Soviet invention law: Selected articles. tr. Moscow, Prospekt publ., 2023. 480 p. (in Russ.)
2. **Ioffe O. S.** Civil law: Selected. tr. Moscow, Statute publ., 2000. 777 p. (in Russ.)
3. **Maltsev G. V.** Moral foundations of law. Moscow, Norma publ., 2018. 400 p. (in Russ.)

4. **Mikheeva L. Yu.** Development of Russian family legislation. In Codification of Russian private law. Moscow: Statute publ., 2019. P. 385. (in Russ.)
5. **Vorozheikin E. M.** Family relations in the USSR. Moscow, Yuridicheskaya literatura publ., 1972. (in Russ.)
6. **Kashanina T. V., Kashanin A. V.** Fundamentals of Russian law. Moscow, 1996. (in Russ.)
7. **Letova N. V.** Family status of a child: problems of theory and practice: Monograph. Moscow, Prospekt publ., 2020. 144 p. (in Russ.)
8. **Manankova R. P.** Shared property. Legal status of family members. Moscow, Statute publ., 2021. 744 p. (in Russ.)
9. **Shershenevich G. F.** Course of civil law. Tula, Autograph publ., 2001. 720 p. (in Russ.)
10. **Dailey A. C., Rosenbury L. A.** The new parental rights. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4086&context=dlj>

Информация об авторе

Громоздина Мария Владимировна, кандидат юридических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления

Information about the Author

Maria V. Gromozdina, PhD in Law, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 07.03.2024*
*The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 347.634/.637

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63

Синдром родительского отчуждения (PAS) как вызов российскому семейному праву

Сергей Викторович Зыков

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

zykovsv@yandex.ru

Аннотация

В статье в контексте правового регулирования рассматривается понятие «родительское отчуждение». Исследуется соответствующий законодательный опыт Бразилии. Анализ российской судебной практики показывает серьезные недостатки в применении психологической экспертизы по спорам между родителями.

Воздействие на ребенка с целью отчуждения от одного из родителей со стороны другого является психическим насилием, которое должно повлечь применение предусмотренных семейным правом мер ответственности и защиты ребенка, учитываться при определении места жительства ребенка и порядка общения с отдельно проживающим родителем.

Законодательно установленных средств для решения проблемы родительского отчуждения вполне достаточно, но необходимо существенно скорректировать правоприменение по спорам о детях посредством соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова

синдром отчуждения от родителей, определение места жительства, права ребенка, судебная психологическая экспертиза, право на воспитание, защита прав ребенка

Для цитирования

Зыков С. В. Синдром родительского отчуждения (PAS) как вызов российскому семейному праву // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 52–63. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63

Parental Alienation Syndrome (PAS) as a Challenge to Russian Family Law

Sergey V. Zykov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

zykovsv@yandex.ru

Abstract

The subject of the article is “parental alienation” in the context of legal regulation. The relevant legislative experience of Brazil is examined. An analysis of Russian judicial practice shows serious shortcomings in the use of psychological examination in disputes between parents.

Influence on a child for the purpose of alienation from one of the parents by the other is mental violence, which should entail the application of measures of responsibility and protection of the child provided for by family law, and be taken into account when determining the child’s place of residence and the procedure for communication with the separated parent.

© Зыков С. В., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1

The legislatively established means for solving the problem of parental alienation are quite sufficient, but it is necessary to significantly adjust the law enforcement in disputes about children, through appropriate clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords

parental alienation syndrome, residence definition, child rights, complex forensic psychological examination, the right to upbringing, protection of the rights of the child

For citation

Zykov S. V. Parental Alienation Syndrome (PAS) as a Challenge to Russian Family Law. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 52–63. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63

Неприятие ребенком одного из родителей в результате действий другого – проблема, часто возникающая при расторжении брака. За рубежом она осмысливается в рамках концепции «синдрома родительского отчуждения» (PAS), введенной в 1985 г. психиатром Ричардом Гарднером [1, с. 33], в последующем получившей реализацию и в механизмах правового регулирования.

В российских психологии и социологии концепция PAS развития в настоящее время не получила, соответствующие явления рассматриваются с помощью таких понятий, как индуцирование ребенка [2, с. 54–62], родительская (патернальная, материнская) депривация [3, с. 1–22].

В настоящей статье посредством метода сравнительного правоведения анализируется возможность адаптации зарубежного опыта интеграции концепции PAS в механизмы правового регулирования к российской системе права.

Как и любая теория, PAS имеет своих критиков. В монографии критической направленности приводятся примеры применения основанных на PAS процедур в правовой практике США [4, р. 1–2]. Подозреваемого в отчуждении родителя полностью лишают контакта с ребенком на срок от 90 дней до нескольких лет; его самого направляют на «лечение» (за свой счет, стоимость даже короткого курса в несколько дней составляет тысячи долларов), которое длится до момента «признания», при том что «ни отрицание, ни признание не принимаются в качестве причины для возобновления контакта с ребенком» [4, р. 7–8]. Заметим, что эти процедуры были скопированы с «лечения» семейного насилия, для PAS аналогичные меры применяются несопоставимо реже (и лишь в незначительном количестве штатов) и являются специфическими для США.

В указанной работе не отрицается само явление, для него предлагается иная терминология: «поощрение родителей к избегающему поведению ребенка, или поощрение родителей» («parent encouragement of child avoidant behavior, or parent encouragement») [4, р. 4].

Монография австралийских исследователей начинается с необходимости различения отчуждения родителей как результата действий родителя-отчуждателя и отчужденности от родителя в результате поведения последнего [5, р. 3]. В доктрине PAS применительно ко второму случаю используется термин «estrangement» в отличие от традиционно используемого «alienation» («отчуждение»).

Под «родительским отчуждением» понимается процесс, в результате которого отношения ребенка с одним из родителей («целевым родителем») находится под негативным влиянием действий другого родителя (отчуждающего «алиенатора») [5, р. 3]. При наличии исходного контакта большинство детей привязаны к обоим родителям. Определенная степень охлаждения отношения к одному из них может быть обусловлена объективными обстоятельствами (возрастными переходами, фактом раздельного проживания и т. п.). Но крайняя степень неприятия, как правило, вызвана поведением третьего лица, обычно другого родителя. Такое поведение может быть многовариантно, выделяется целая совокупность стратегий (до 66). Выявлено негативное влияние такого воздействия на личность ребенка, которое может длиться на протяжении всей его последующей жизни. Оно включает в себя проблемы, связанные с де-

прессивными симптомами, злоупотреблением алкоголем и трудностями, связанными с определением самостоятельности и взаимодействием с другими людьми.

В то же время отмечается, что не во всех случаях отчуждающие родители сознательно настраивают ребенка против другого родителя, иногда это результат их эмоционального состояния. В последнем случае, если им продемонстрировать вред, который они наносят своему ребенку, их поведение корректируется [5, р. 3–8].

Таким образом, за рассматриваемым явлением стоит нарушение не только коммуникации с «целевым» родителем (что следует квалифицировать как посягательство на его право воспитывать ребенка), но также прав самого ребенка, в том числе на заботу о его психическом благополучии. При этом не любое избегающее поведение последнего по отношению к одному из родителей является следствием поведения другого, но даже если так, оно должно дифференцироваться по степени виновности.

В мировой науке теория PAS активно развивается, чему способствует и ее критика. Еще раз подчеркнем, что в первой из указанных монографий (критической направленности), не отрицается концепция как таковая, авторы выступают лишь против ее необоснованного применения [4, р. 5].

Иная ситуация наблюдается в государствах постсоветского пространства, в частности, в российской науке. Работы, посвященные PAS, очень немногочисленны: обнаруживается студенческая работа [1, с. 33–34], исследование зарубежного (бразильского) автора [6, с. 96–110, 296–308]. Можно отметить сборник, выпущенный по итогам специализированной конференции, проведенной в Санкт-Петербурге¹, однако показательным является внеакадемический характер указанного научного мероприятия.

В значительном числе российских работ проблема отчуждения от одного из родителей рассматривается как проблема депривации. Указывается, что семейная депривация (переживание утраты связи с родителями) приводит к формированию неадекватного самоотношения и к снижению возможностей социальной адаптации; она подразделяется на постоянную или эпизодическую (чаще в отношении отца в неполной семье) [3, с. 7]. Констатируя негативные последствия для социальной адаптации ребенка депривации, в частности патеральной, следует учитывать, что влияние отца объективно увеличивается по мере взросления ребенка [7, с. 131–132]. Здесь можно было бы усмотреть содержательно пересечение с PAS, однако концепт депривации предполагает рассмотрение последствий утраты члена семьи безотносительно к причинам, ее вызвавшим.

Проблема воспрепятствования отдельно проживающему родителю в общении с ребенком в результате манипуляций им со стороны другого родителя рассматривается в отечественных исследованиях. Еще с 1970-х годов проводились исследования, согласно которым в 60 % разводов наблюдалось «явное или завуалированное чинение препятствий в общении ребенка с отдельно проживающим родителем, что приводило к прекращению встреч» [8, с. 83]. В настоящее время исследуется негативное влияние на детей утраты контакта с отдельно проживающим родителем (доля таких ситуаций определяется от 31 до 17 %), при этом у половины девушек из неполных семей выявляется изменение отношения на негативное к отдельно проживающему родителю (в чем предположительно проявляются установки одного из родителей), у значительной части формируется «искаженная картина представлений о собственной будущей семье» [9, с. 142–161].

Отмечается, что контакт с отдельно проживающим родителем (а также отношения с его родственниками) нередко оказываются «серьезно деформированы или прекращены под влия-

¹Мы любим вас обоих // Материалы I Междунар. науч. конф. по проблеме отчуждения родителя / Санкт-Петерб. ин-т психологического консультирования, Национальная ассоциация исследователей синдрома отчуждения родителя. 28–30 мая 2021 г. СПб.: Центр содействия образованию, 2022. 194 с.

нием негативно настроенного родителя-опекуна», в том числе в результате того, что последний негативно настраивает ребенка [10, с. 27–28].

Изучение рассматриваемого явления в отечественной науке осуществляется также в парадигме зарубежных концептов, например «гейткипинга» (gatekeeping) – практики ограничения доступа к ребенку одного из родителей другим родителем, делающей невозможным их общение [11, с. 468]. Создание препятствий доступа отцам к детям включают как недобросовестное использование правовых механизмов и допускаемого правовой системой поведения (введение в заблуждение судей и экспертов, географическая сепарация, обвинения в сексуальных домогательствах и т. п.), так и очернение другого родителя в глазах ребенка, «психологическое давление, обвинения, создание негативного, рискованного и опасного образа отца» [11, с. 475]. Такая система отношений будет воспроизводиться выросшим ребенком в последующей жизни, поскольку «стратегия отторжения мужчины как отца может объясняться своеобразным семейным наследованием, жизненным сценарием, формирующимся в семьях одиноких матерей или семей с доминирующей и властной матерью» [11, с. 476]; решение проблемы исследователи видят в установлении режима совместной опеки родителей [11, с. 487].

Ст. 2 бразильского закона № 12.318 от 26 августа 2010 г. «О родительском отчуждении (alienação parental) и о внесении изменений в ст. 236 Закона № 8.069 от 13 июля 1990 года»² (далее – Закон Бразилии) дает определение родительского отчуждения как «вмешательства в психологическое формирование ребенка или подростка, инициированного или вызванного одним из родителей, бабушкой и дедушкой или теми, кто осуществляет контроль, опеку или попечительство над ребенком или подростком, приводящего к отвержению родителя или вредящего установлению либо поддержанию связей с ним». Там же в первом пункте определены его формы: проведение компании по подрыву родительского авторитета; воспрепятствование осуществлению родительских прав, создание препятствий ребенку в его общении с родителем, сокрытие информации о ребенке, ложное обвинение родителя или членов его семьи с целью воспрепятствовать сосуществованию (convivência) с ребенком, перемещение ребенка с целью прекращения коммуникации с ребенком другим родителем. Ст. 3 Закона Бразилии определяет такие действия, как психологическое насилие (abuso moral). Ст. 6 перечисляет основные санкции:

- 1) предупреждение алиенатора;
 - 2) штраф;
 - 3) приостановление (suspensão) родительских прав алиенатора;
 - 4) проведение мониторинга;
 - 5) пересмотр порядка осуществления родительских прав в пользу пострадавшего родителя (увеличение объема общения, установление совместной опеки, передачи ему ребенка);
- определение временного места жительства ребенка.

Заметим, что эти меры или их аналоги (за минимальными исключениями) установлены и в российском праве.

1. Существует практика вынесения предупреждения родителям, когда суд не нашел достаточных оснований для их лишения родительских прав или ограничения в них.

Иная ситуация с предупреждением как мерой административной ответственности: ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ³ (далее – КоАП) ее не содержит; основания для замены административного штрафа, предусмотренные ст. 4.1.1. КоАП, в этом случае отсутствуют.

2. Понимание отчуждения родителя как формы лишения ребенка права на общение с ним дает возможность применить административный штраф согласно ч. 2 ст. 5.35 КоАП

² http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2007-2010/2010/Msg/VEP-513-10.htm (дата обращения: 12.02.2024).

³ Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

от 2 000 до 3 000 рублей, а при повторности (часть 3) – от 4 до 5 тысяч рублей. Размер штрафа обсуждается в специальной литературе: есть аргументы за его увеличение.

3. Приостановлению родительских прав алиенатора соответствует российский юридический институт семейного права ограничения в родительских правах (ст. 73 СК РФ). С учетом степени вины и тяжести правонарушения допустимо соотнесение и с лишением родительских прав (ст. 69 СК РФ).

4. Под мониторингом понимается контроль за родительно-детскими отношениями со стороны уполномоченных органов. В нашем случае это органы опеки и попечительства, которые в целом не сориентированы на профилактическую работу с семьями. Надо ли их на такую работу ориентировать – вопрос дискуссионный. По мнению автора настоящей статьи, – нецелесообразно, учитывая в среднем не слишком высокий профессиональный уровень работников этих органов.

5. В российской системе права допустим пересмотр порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем, даже если такой порядок был ранее установлен (в том числе судом) при появлении новых обстоятельств. ВС РФ указывает, что данные отношения «носят длящийся характер, поэтому ... нельзя признать обоснованным отказ в принятии искового заявления между теми же сторонами, о том же предмете, когда из заявления усматривается, что изменились фактические обстоятельства, условия воспитания детей, служившие основанием ранее предъявленного иска»⁴.

В рамках споров об определении места жительства ребенка абз. 3 п. 3 ст. 65 СК РФ допускается возможность определить место жительства детей на период до вступления в законную силу судебного решения об определении их места жительства, что соответствует «определению временного места жительства ребенка» Закона Бразилии.

Возможность передачи ребенка отдельно проживающему родителю в случае, если другой родитель злостно не исполняет решение суда о порядке общения, прямо предусмотрено СК РФ (п. 3 ст. 66). Другой вопрос, что в судебной практике мы не находим применения этой нормы, обнаруживаются лишь неоднократные указания ВС РФ на обязанность предупреждать о возможных последствиях неисполнения решения суда о порядке осуществления родительских прав⁵. Проблема состоит в том, что предупреждение не имеет превентивного эффекта, поскольку указанная норма не применяется.

Разумеется, психическое насилие над ребенком в рассматриваемом аспекте должен выявлять специалист в соответствующей сфере. Неудивительно, что ключевым в правовом механизме реализации Закона Бразилии является экспертиза, в ст. 5 подробно регулируются основания ее назначения, порядок проведения и требования к экспертам.

Насколько широко российские суды используют экспертизу по спорам о детях? В решениях, представленных в базе «Судебные и нормативные акты РФ»⁶ (были использованы все судебные акты за 2020 и 2021 годы по делам данной категории), экспертиза фигурировала только в 2,6 % дел. Из них около трети касались споров по поводу порядка общения с ребенком родителем, проживающим отдельно. В большинстве дел данной категории экспертиза назначалась в рамках расширения предмета доказывания для истца, включая в него обязанность

⁴ Раздел «Предъявление искового заявления по спорам, связанным с воспитанием детей» Обзора практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁵ См. п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. № 110. 10.06.1998; Раздел «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка» Обзора практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁶ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.02.2024).

доказать право на общение с ребенком, которое для родителей, не лишенных родительских прав и не ограниченных в них, прямо закреплено в Семейном кодексе Российской Федерации.

В одном из споров отдельно проживающий родитель (истец) просил суд обязать ответчика «не высказываться негативно» в его адрес при ребенке и «не настраивать ребенка против общения с истцом». Оценку в мотивировочной части решения суд данному требованию не дал, в резолютивной отказал «за необоснованностью»; единственной реакцией суда было стандартное предупреждение о «возможности применения ч. 3 ст. 66 СК РФ». При наличии утверждений о настраивании матерью ребенка против общения с отцом суд определил порядок общения в ее присутствии и место по согласованию с ней⁷ (в экспертизе говорилось о возможности общения в присутствии *третьих* лиц).

В одном из дел, в котором была проведена экспертиза, прозвучал довод о том, что отец «настраивает ребенка против матери», однако развития в вопросах эксперту он не получил. В то же время психолог констатировал амбивалентное (преимущественное отрицательное отношение к ней при положительном отношении к отцу)⁸. Очевидно, что при таком заключении экспертизы суду следовало исследовать причины такого отношения, тем более определяя место жительства ребенка с матерью. Еще в одном деле, согласно экспертизе, «можно утверждать о наличии психологической индукции со стороны иных членов семьи» относительно негативного отношению к отцу со стороны одного из детей⁹. И в этом случае никакого отражения в решении данное обстоятельство не получило.

Здесь мы приходим к ответу на ранее поставленный вопрос о причинах отсутствия развития теории PAS в отечественной науке: она оказывается практически невостребованной при разрешении споров о детях между родителями. Именно в этом контексте необходимо рассмотрение трехсторонних отношений. Для последующей же работы с неизбежно возникающими психологическими проблемами пациентов, которые в детстве подверглись негативному воздействию отчуждающего родителя, необходимости обращения именно к PAS нет.

Рассматриваемые действия являются одновременно нарушением прав и отчуждаемого родителя и ребенка. В п. 1 ст. 9 Конвенции о правах ребенка¹⁰ (далее – Конвенция) закрепляется право ребенка не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию. По п. 3 той же статьи 9 Конвенции при разлучении с родителями ребенок имеет право поддерживать с ними личные и прямые контакты на регулярной основе; согласно п. 1 ст. 8 Конвенции, ребенок имеет право на сохранение семейных связей как проявление своей индивидуальности; п. 1 ст. 16 Конвенции защищает ребенка от незаконного или произвольного вмешательства в его семейную жизнь, а отчуждение одного из родителей нарушает указанные права. Поскольку в настоящее время в Российской Федерации отсутствуют эффективные правовые механизмы защиты ребенка от рассматриваемого неблагоприятного воздействия, то следует констатировать нарушения его права на защиту в смысле п. 2 ст. 3 и ст. 4 Конвенции, а также на защиту от психологического насилия, злоупотребления (в том числе со стороны родителей или иных лиц, заботящихся о ребенке) согласно п. 1 ст. 19 Конвенции. Таким образом, рассматриваемые действия являются нарушением целой совокупности прав ребенка, закрепленных в международном договоре, участником которого является Российская Федерация.

⁷ Решение Баксанского районного суда (Кабардино-Балкарская Республика) от 15 января 2020 г. по делу № 2-20/2020 (2-528/2019).

⁸ Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 24 апреля 2020 г. по делу № 2-46/2020 (2-2012/2019).

⁹ Решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 21 мая 2020 г. по делу № 2-68/2020 (2-4924/2019).

¹⁰ Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // Сб. междунар. договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

Вышеуказанные права нашли отражение в российском национальном семейном праве. Статьей 54 СК РФ закрепляется, в частности, право ребенка на воспитание своими родителями, на заботу с их стороны. Согласно п. 1 ст. 55 СК РФ, закрепляется право ребенка на общение с обоими родителями, включая ситуацию раздельного проживания.

Воздействие на ребенка одного из родителей с целью отчуждения от другого родителя должно квалифицироваться как психическое насилие. Последнее, как известно, может повлечь последствия в виде лишения родительских прав (ч. 5 ст. 69 СК РФ) или ограничения в них (поскольку исчерпывающий перечень оснований ограничения в ст. 73 СК РФ не установлен и в качестве таковых могут вступать основания лишения родительских прав при недостаточности оснований для применения последнего). ВС РФ, к сожалению, не представил толкования указанной нормы, ограничившись ее перефразированием.¹¹

Исследователями высказывается мнение, что формирование у ребенка негативного отношения к другому родителю следует интерпретировать как злоупотребление родительскими правами [12, с. 187], т. е. по ч. 4 ст. 69 СК РФ. Такой подход имеет свою логику, поскольку речь идет, с одной стороны, об осуществлении права, которым лицо формально наделено (а воздействие на ребенка охватывается родительским правом на воспитание), с другой стороны, оно осуществляется в объективном противоречии с его целью: обеспечение благополучия ребенка.

Лишение родительских прав является в нашей правовой системе исключительной мерой семейно-правовой ответственности; ограничение в родительских правах также же следует считать чрезвычайной мерой защиты ребенка. Применительно к рассматриваемым действиям в обоих случаях условием применения должно быть наличие вины в форме умысла отчуждающего родителя. Критерием разграничения этих двух мер должен быть характер его поведения: особая злостность, выражающаяся, в частности, при повторности (после ограничения в родительских правах по рассматриваемому основанию) должна повлечь лишение родительских прав.

Исследователи отмечают, что негативное отношение к одному из родителей может быть вызвано разными факторами:

«1) вследствие характера поведения и индивидуально-личностных особенностей отвергаемого родителя;

2) из-за активизации в ситуации конфликта защитных механизмов ребенка, когда ребенок отвергает одного из родителей для того, чтобы можно было бесконфликтно существовать рядом с другим родителем;

3) по причине явного настраивания ребенка другим родителем или неявного психогенного индуцирования» [2, с. 58].

Во втором и третьем случае ситуацию «следует рассматривать как аномальную и создающую значительный риск нарушений психического развития ребенка. В связи с этим оставление ребенка, в соответствии с вербально высказанным им желанием, с родителем-индуктором может противоречить его истинным интересам» [Там же]. Поскольку при рассмотрении данных споров об определении места жительства ребенка реализуется право ребенка выражать свое мнение, предусмотренное ст. 57 СК РФ, при этом с десятилетнего возраста его учет является обязательным, справедливо отмечается особая необходимость выявления действительности декларируемого мнения ребенка в условиях проживания с одним из родителей при изоляции от другого [2, с. 59].

Негативное воздействие одного из родителей на формирование отношения к другому при отсутствии вины, осознанной направленности на данный результат, не может служить основанием лишения родительских прав или ограничения в них по основанию психического насилия. В этом случае речь идет, скорее, о психологической незрелости родителя, оказыва-

¹¹ Подпункт «г» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 // Рос. газета. 2017. 20 нояб. № 262.

ющего подобного рода воздействие. Согласно абз. 2 п. 3 ст. 65 СК РФ, при разрешении спора о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей суд обязан учесть их нравственные и иные качества. Решение не в пользу психологически незрелого родителя в такой ситуации является не мерой ответственности, а мерой защиты ребенка, своеобразной «квази-санкцией».

Воспрепятствование со стороны родителя, проживающего с ребенком, общению с другим родителем посредством негативного настраивания ребенка должно квалифицироваться как злостное неисполнение соответствующего решения суда и повлечь, согласно п. 3 ст. 66 СК РФ, передачу ребенка другому родителю.

Проживающий отдельно от ребенка родитель, получающий вместо права на проживание и личное воспитание ребенка своеобразное суррогатное, ослабленное право на эпизодическое общение с ним, бесспорно, фактически является слабой стороной правоотношения. Однако в случае, когда с его стороны проявляется рассматриваемое деструктивное воздействие на ребенка, должна применяться клаузула п. 1 ст. 66 СК РФ, которая допускает ограничение общения. Разумеется, только на основании судебного решения, а не в качестве самоуправных действий родителя, проживающего вместе с ребенком.

Очевидно, что применение указанных в предыдущем разделе санкций и квазисанкций требует доказательственной базы, просто объяснений заинтересованных лиц явно недостаточно. В интерпретации конкретных семейных отношений, как нигде больше, срабатывают механизмы психологической защиты, гендерные стереотипы, что крайне затрудняет их понимание извне. Во многих случаях понять реальную систему отношений может только эксперт.

Выше было отмечено, что для российской системы права в качестве принадлежащей к континентальной правовой системе ближе механизмы правового регулирования, выработанные в принадлежащей к той же правовой семье Бразилии, чем юридическое процедуры США, где концепция PAS получила свое первоначальное воплощение. В Законе Бразилии, как уже отмечалось, экспертиза играет центральную роль.

Перед психологической экспертизой ребенка и детско-родительских отношений по спорам об определении места жительства ребенка в случае раздельного проживания родителей предлагается ставить вопросы о том, чем обусловлено (если оно выявлено) негативное отношения к одному из родителей; является ли мнение ребенка по вопросу об определении его места жительства самостоятельным с учетом его возраста, состояния (болезни), уровня психического развития, влияния на него конфликтной ситуации или одного из родителей (члена семьи, родственника и т. д.) [12, с. 190].

Аналогичные вопросы содержатся и у других исследователей:

- что является причиной отказа ребенка от общения с отцом (матерью);
- имеются ли признаки психического воздействия на ребенка со стороны матери (отца, других родственников) с целью создания негативного образа отца (матери), создания препятствий для общения с отцом (матерью) с целью принуждения к отказу от общения с отцом (матерью);
- если да, то в чем это выражается? [13, с. 72.]

Следует признать, что российские специалисты в области психологии вполне в состоянии выявить индукцию ребенка со стороны одного из родителей негативных установок в отношении другого родителя. Проблема составляет исключительно судебное правоприменение.

Судебная психологическая экспертиза должна чаще применяться по спорам об определении места жительства ребенка, поскольку она позволяет достоверно определить его привязанность к каждому из родителей – критерий, который в п. 3 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации ставится на первое место при разрешении споров данной категории. Уместность экспертизы в данных делах состоит и в том, что она позволяет выяснить вопрос о действительных желаниях ребенка, не создавая для него психотравмирующей ситуации выбора между родителями, что происходит при его прямом опросе в суде или работниками органов опеки,

часто не имеющих достаточной квалификации (требования к которым не предполагают даже психологического образования).

При назначении указанных экспертиз обязательно должны ставиться вопросы о возможности влияния на отношение ребенка к одному родителю со стороны другого и степени такого влияния. Именно выявление всех этих обстоятельств может позволить суду отступить от мнения ребенка (в том числе достигшего десятилетнего возраста) относительно его проживания с одним из родителей. Надлежащая процессуальная форма сомнений суда в достоверности экспертизы (в том числе при опровержении ее выводов другими доказательствами по делу) – назначение экспертизы повторной или дополнительной.

Действия по отчуждению ребенка от одного из родителей при определенных условиях должны квалифицироваться как психическое насилие, что при наличии виновного поведения отчуждающего родителя должно повлечь последствия в виде ограничения в родительских правах, а в случае повторности – их лишения. Кроме того, такое поведение должно квалифицироваться как злостное неисполнение решения суда о порядке общения с отдельно проживающим родителем и повлечь передачу ему ребенка.

Если действия по индукции отрицательного отношения к другому родителю не являются осознанными, следовательно, виновными, то, учитывая, что они объективно оказывают негативное воздействие на несовершеннолетнего, противоречат интересам ребенка, такие действия должны учитываться при определении места жительства ребенка, а также при определении объема (вплоть до полного отказа) общения с отдельно проживающим родителем (косвенные санкции).

Наконец, кардинальным решением было бы введение получающего все большее распространение в современном мире института «совместной опеки» (в нашей терминологии – определения места жительства ребенка у раздельно проживающих родителей на паритетных началах). Исследования показывают, что такой режим в наших условиях (не установленный *de jure*, но наблюдаемый *de facto*) является наименее стрессогенным видом постразводных отношений для обоих родителей [14, с. 336], даже не говоря о его очевидном соответствии интересам самого ребенка.

Список литературы

1. **Веселкина Н. Е.** Синдром родительского отчуждения (PAS) как фактор опасности для детской психики // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы VIII Всерос. студенческой науч.-практ. конф. с международным участием. В 2 ч. / Под ред. А. В. Осинцевой. Новосибирск, 2019. С. 33–34.
2. **Сафуанов Ф. С., Русаковская О. А.** Методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам воспитания детей при раздельном проживании родителей // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 54–62.
3. **Рубченко А. К.** Самоотношение и отношение юношей и девушек к родителям при семейной депривации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 22 с.
4. **Challenging Parental Alienation. New Directions for Professionals and Parents** / Ed. by Jean Mercer and Margaret Drew. Routledge: London, 2022. 284 p.
5. **Understanding and Managing Parental Alienation. A Guide to Assessment and Intervention** / Janet Haines, Mandy Matthewson, Marcus Turnbull. Routledge: London, 2020. 372 p.
6. **Бруна Барбьери Ваким.** Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей // Психология и право. 2019. Т. 9, № 1. С. 96–110; № 2. С. 296–308.
7. **Андронникова О. О.** Феномен социально-психологической депривации личности как основа виктимизации // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 130–135.

8. **Павлов С. П.** Развод как форма психоэмоциональной депривации детей // Социальное обслуживание семей и детей: Науч.-метод. сб. 2014. № 2. С. 74–93.
9. **Терехина С. А., Чирикина Е. С.** Особенности восприятия развода в родительской семье и отношение к родителям у девушек периода ранней взрослости // Психология и право. 2016. № 3. С. 142–161.
10. **Камышова Е. В., Лазарева З. Н.** Социальная коррекция взаимоотношений детей и родственников отдельно проживающего родителя после развода // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1 (119). С. 25–29.
11. **Безрукова О. Н., Самойлова В. А.** Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463–498.
12. **Носачев Г. Н., Савельева Н. М.** Споры между родителями об определении места жительства ребенка (детей) и о порядке осуществления родительских прав: проблемы правоприменения // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Междунар. науч.-практ. конф. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2015. С. 186–191.
13. **Ишков Ю. В., Никонова О. А.** Некоторые проблемы судебно-психологической экспертизы при бракоразводном процессе на современном этапе развития общества в России // Вестник АГТУ. Социально-гуманитарные науки. 2014. № 1 (57). С. 71–76.
14. **Пацакула И. И.** Особенности психологической безопасности ребенка в ситуации постразводного родительства // Социализация человека в современном мире в интересах устойчивого развития общества: междисциплинарный подход: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2017. С. 331–336.

References

1. **Veselkina N. E.** (2019) Parental Alienation Syndrome (PAS) as a danger factor for the child's psyche] In A.V. Osintseva (ed.). *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii. Materialy VIII Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*=Youth of the XXI century: education, science, innovation. Materials of the VIII All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation. Novosibirsk. Pp. 33–34. (in Russ.)
2. **Safuanov F. S., Rusakovskaya O. A.** (2010) The Methodological Problems of the Complex Forensic Psychological-Psychiatric Examination in the Matter of Bringing-up Children by Separated Parents. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*=Psychological Science and Education. No. 2. Pp. 54–62. (in Russ.)
3. **Rubchenko A. K.** (2007) Self-attitude and attitude of boys and girls to parents in case of family deprivation. Moscow. 22 p. (in Russ.)
4. **Mercer J., Drew M.** (2022). Challenging Parental Alienation. New Directions for Professionals and Parents. Jean Mercer, Margaret Drew (ed). Routledge: London. 284 p.
5. **Haines J., Matthewson M., Turnbull M.** (2020). Understanding and Managing Parental Alienation. A Guide to Assessment and Intervention. Janet Haines, Mandy Matthewson, Marcus Turnbull (ed). Routledge: London. 372 p.
6. **Bruna Barb'eri Vakim** (2019). Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation Chast' I [Part I]. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law. Vol. 9. No. 1. Pp. 96–110. [Part II]. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law. Vol. 9. No. 2. Pp. 296–308. (In Russ.)
7. **Andronnikova O. O.** The phenomenon of social and psychological deprivation of the person as the basis of victimization. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* = Siberian pedagogical journal, 2015, vol. 4, pp. 130–135.

8. **Pavlov S. P.** (2014) Divorce as a form of psycho-emotional deprivation of children. *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: nauchno-metodicheskii sbornik*=Social services for families and children: scientific and methodological collection. No. 2. Pp. 74–93. (in Russ.).
9. **Terekhina S. A., Chirikina E. S.** (2016) Peculiarities of perception of parents' divorce and attitude towards parents' girls in emerging adulthood. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law. Vol. 6. No. 3. Pp. 142–161. (in Russ.)
10. **Kamyshova E. V., Lazareva Z. N.** (2018) Social correction of the relationship between children and relatives of a separate parent after divorce]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*=Theory and practice of social development. No. 1(119). Pp. 25–29. (in Russ.)
11. **Bezrukova O. N., Samoilova V. A.** (2020) Maternal Gatekeeping in Russia: Young Fathers about Mothers and the Barriers to Access Children after Divorce. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* =Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 3. Pp. 463–498. (in Russ.)
12. **Nosachev G. N., Savel'eva N. M.** (2015) Disputes between parents on determining the place of residence of the child (children) and on the procedure for exercising parental rights: problems of law enforcement. In *Semejnoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i social'nye orientiry sovershenstvovaniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Tverskoj gosudarstvennyj universitet»*=Semejnoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i social'nye orientiry sovershenstvovaniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii. (ed.) Il'ina O. Yu. Pp.1 86–191. (in Russ.)
13. **Ishkov Yu. V., Nikonova O. A.** (2014). Some problems of forensic psychological expertise in divorce proceedings at the present stage of development of society development in Russia. *Vestnik AGTU. Social'no-gumanitarnye nauki*=Bulletin of the Altai State Technical University. Social Sciences and Humanities. Vol. 1. No. 57. Pp. 71–76. (in Russ.)
14. **Patsakula I. I.** (2017) Features of the psychological safety of a child in a situation of post-divorce parenting. In *Sotsializatsiya cheloveka v sovremennom mire v interesakh ustoichivogo razvitiya obshchestva: mezhdistsiplinarnyi podkhod. sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*=Socialization of a person in the modern world in the interests of sustainable development of society: an interdisciplinary approach. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Kaluga. Pp. 331–336. (in Russ.)

Информация об авторе

Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Sergey V. Zykov, Researcher, Institute of philosophy and law Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 343.713

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-64-70

Угроза как уголовно-правовая категория

Роман Николаевич Боровских¹

Ольга Валерьевна Шмыгина²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Сибирский университет потребительской кооперации
Новосибирск, Россия

¹mail@rborovskih.ru

²olga78an1@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается нормативное и доктринальное содержание угрозы как уголовно-правовой категории. Анализируются положения уголовного законодательства РФ, где угроза упоминается как конститутивный или квалифицирующий признак. В доктринальном аспекте внимание авторов сосредоточено на вопросе о соотношении категории угрозы со смежными уголовно-правовыми понятиями «принуждение», «понууждение», «психическое насилие». По результатам обосновывается концептуальный подход информационного воздействия для дальнейшего изучения уголовно-правовой категории «угроза».

Ключевые слова

угроза, насилие, принуждение, понуждение, психическое насилие

Для цитирования

Боровских Р. Н., Шмыгина О. В. Угроза как уголовно-правовая категория // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 64–70. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-64-70

Threat as a Criminal Law Category

Roman N. Borovskikh¹

Olga V. Shmygina²

¹Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russian Federation

¹mail@rborovskih.ru

²olga78an1@rambler.ru

Abstract

The article examines the normative and doctrinal content of threat as a criminal legal category. The provisions of the criminal legislation of the Russian Federation are analyzed, where the threat is mentioned as a constitutive or qualifying feature. In the doctrinal aspect, the authors' attention is focused on the issue of the relationship between the category of threat and related criminal law concepts of «coercion», «compulsion» and «mental violence». Based on the results, the conceptual approach of information impact is substantiated for further study of the criminal law category «threat».

Keywords

threat, violence, coercion, compulsion, mental violence

© Боровских Р. Н., Шмыгина О. В., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1

Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1

For citation

Borovskish B. N., Shmygina O. V. Threat as a criminal law category. Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 64–70. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-64-70

В уголовном законе угроза как уголовно-правовая категория широко используется при формулировании ряда положений и различных смысловых значениях как в рамках Общей, так и Особенной частей УК РФ.

Термин «угроза» в нормах Общей части УК РФ упоминается восемь раз:

(а) при определении в ст. 14 УК РФ понятия «преступление» («...под **угрозой** наказания») он символизирует собой неблагоприятные правовые последствия совершенного общественно опасного деяния;

(б) при перечислении в ст. 33 УК РФ разных форм подстрекательства он указывает на способ воздействия на склоняемое к преступлению лицо («...путем **угрозы**»);

(в) при определении в ст. 37 УК РФ понятия необходимой обороны, угроза выступает формой проявления насильственного посягательства («...сопряжено ...с непосредственной **угрозой** применения такого насилия»);

(г) при характеристике в ст. 39 УК РФ крайней необходимости, угроза являет собой уголовно-релевантное содержание сложившейся опасной обстановки («...устранения опасности, непосредственно **угрожающей**...»);

(д) при разъяснении в ст. 41 УК РФ того, когда риск не признается обоснованным, рассматриваемый термин обозначает собой возможные и недопустимые общественно опасные последствия деяния («...если он заведомо был сопряжен с **угрозой** для жизни многих людей, с **угрозой** экологической катастрофы или общественного бедствия»).

Таким образом, категория «угроза» в нормах Общей части УК РФ используется в четырех смысловых значениях: как следствие, как способ противоправного воздействия на человека, как форма насилия, как признак обстановки.

В нормах Особенной части УК РФ ситуация еще более разнообразная.

1. В 34 составах преступлений содержится указание на угрозу как на конститутивный (неотъемлемый) признак объективной стороны, однако уголовно-правовой статус в данных составах различен:

(а) угроза – общественно опасное деяние (например, «угроза убийством» в ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 296; «действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств» в ст. 267.1; «угроза применения насилия в отношении представителя власти» в ч. 1 ст. 318; «угроза нападения» в ч. 1 ст. 360 и др.);

(б) угроза – характеристика содержания предмета совершения преступления («...распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан в ст. 207.1);

(в) угроза – способ совершения преступления (например, «путем угрозы» в ч. 1 ст. 110; «с угрозой применения насилия» в ч. 1 ст. 172.4; «путем угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества» ч. 1 ст. 133 и т. п.);

(г) угроза – признак обстановки совершения преступления (например, «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений» в ч. 1 ст. 163 и др.).

2. В 47 составах преступлений угроза упоминается законодателем в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака (например, п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «в» ч. 2 ст. 166, ч. 4 ст. 166, ч. 3 ст. 170.1, п. «б» ч. 2 ст. 178, ч. 3 ст. 178, ч. 2 ст. 185.5 УК РФ и др.). Здесь чаще всего указывается угроза применения насилия, но встречаются и другие виды угроз (например,

«...сопряженное с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну» и др.).

Следует отметить, что законодатель часто использует синонимичные угрозе либо сходные с ней по содержанию термины: принуждение, понуждение, склонение, устрашение, воздействие и др. Это значительно увеличивает сферу применения категории «угроза» в лексиконе уголовного законодательства РФ.

Обратимся далее к рассмотрению категории «угроза» применительно к преступлениям против собственности. Такое рассмотрение возможно осуществлять на основе нескольких подходов.

Первый: в широком понимании угроза как признак преступлений против собственности следует изучать в контексте не только уголовно наказуемых деяний, предусмотренных статьями главы 21 УК РФ, но всего спектра преступлений, где объектом посягательства выступают или могут выступать отношения собственности. Таких составов преступлений в действующем УК РФ девятнадцать (например, ч. 1 ст. 133, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151.2 УК РФ и т. д.). В данных составах указание законодателем на угрозу является специфичным, соответствующим характеру общественной опасности преступления и содержанию его основного непосредственного объекта.

Второй подход – узкий – рассматривает угрозу как способ совершения преступлений, предусмотренных только главой 21 УК РФ. Здесь об угрозе законодатель говорит, раскрывая признаки грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ), вымогательства (ч. 1 ст. 163 УК РФ), угона (ч. 2, 4 ст. 166 УК РФ). Косвенно угроза как признак преступления подразумевается в ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность» (когда формой такого хищения может выступать разбой).

Важно заметить, что приведенные выше подходы различаются не только по объему охватываемых ими нормативных положений УК РФ, но и по содержанию. Так, угроза как признак составов преступлений против собственности, понимаемых в узком значении (ст. 161–163, 166 УК РФ), характеризует собой способ совершения данных преступлений:

- в составах насильственного грабежа, разбоя и угона законодатель фиксирует угрозу как способ совершения преступления фразой: «с *угрозой* применения такого насилия»;
- в качестве способа совершения преступления угроза предусмотрена и в составе вымогательства и определяется посредством формулы «*под угрозой* применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно *под угрозой* распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких».

В широком понимании угроза как признак преступлений против собственности, как правило, выражается в угрозе применения насилия. Однако в ряде случаев:

- угроза выступает характеристикой признака обстановки совершенного преступления (в ч. 1 ст. 267 УК РФ указывается на разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние транспортного средства, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, а равно умышленное блокирование транспортных коммуникаций, объектов транспортной инфраструктуры либо воспрепятствование движению транспортных средств и пешеходов на путях сообщения, улично-дорожной сети, если эти деяния создали... *угрозу уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц*);
- угроза представляет собой характеристику признаков предмета и общественно опасных последствий преступного посягательства (в п. «в» ч. 4 ст. 215.4 УК РФ предусматривается деяние, сопряженное с умышленным созданием *угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну*).

Таким образом, в нормативном изложении угроза как способ совершения преступлений против собственности, понимаемых в рамках видового объекта, предусмотренного главой 21 УК РФ, представляет собой противоправное информационное воздействие на потерпевшего.

Исследование уголовно-правовой категории «угроза» в доктринальном дискурсе показывает, что угроза в широком смысле понимается по-разному: как запугивание, принуждение, обещание применить физическое насилие, возбуждение у человека чувства тревоги, психическое воздействие.

Л. Д. Гаухман рассматривает угрозу как «...воздействие на психическую сферу организма человека путем запугивания его применением физического насилия» [1, с. 3].

Действительно, любая угроза, доведенная до сведения человека, заключается в воздействии на психику такого человека посредством информирования его о совершении немедленно либо в будущем негативных для него или близких ему лиц действий, путем возбуждения в нем чувства дискомфорта, страха, тревоги и понуждении его тем самым к какой-либо деятельности либо к отказу от совершения определенных действий (бездействию).

Таким образом, угроза есть целенаправленное воздействие на психику человека. Как показывает анализ научной литературы, в настоящее время в уголовно-правовой доктрине нет четкого понимания о соотношении и разграничении категории «угроза» со смежными уголовно-правовыми категориями: психическое насилие, принуждение, понуждение и др. Констатируем, что чаще всего в литературе угроза рассматривается как форма насилия.

По данному вопросу можно привести несколько точек зрения.

Согласно одной группе авторов, насилие означает «намеренное применение физической силы к человеку, которое предполагает серьезное нарушение его физической неприкосновенности» [2, с. 88]. Однако другие авторы считают, что «насилие также включает нанесение вреда здоровью или жизни (физическое насилие) или угрозы такого вреда (психическое насилие)» [3, с. 34–35]. Наконец, третья группа авторов утверждает, что «насилие включает действия, которые осуществляются против воли человека, а отсутствие воли является основой для принуждения, т. е. содержание термина «насилие» происходит через понятие «принуждение»» [4, с. 20].

Как можно видеть, при определении термина «насилие» авторами часто используются смежные, синонимичные понятия применения силы, угрозы и принуждения. Полагаем, что такая «игра словами» не способствует пониманию рассматриваемых уголовно-правовых категорий.

Нам импонирует позиция второй группы авторов, которые разделяют насилие на физическое и психическое. Необходимо отметить, что существует определенная неясность в отождествлении понятий «психическое насилие» и «угроза». Например, А. Ю. Кизиллов правильно указывает на проблематику сопоставления данных категорий, отмечая, что исследователи, интерпретирующие «видовое понятие (угроза)» через «родовое (психическое насилие)», которое является более общим, не соблюдают логические законы, так как при построении определения часть не может вводиться ранее целого [5, с. 65]. В противном случае данные определения будут взаимосвязаны по значению (например, «психическое насилие состоит в угрозе...», «угроза – это психическое насилие...»).

Психическое насилие – это форма запугивания, при которой совершается угроза применения физической силы к человеку для достижения определенной цели. Существует мнение, что в основе психического насилия лежит обещание применения физического насилия с целью принудить человека к определенным действиям или повлечь его воздержание от этих действий.

Выразим согласие с позицией специалистов, что приведенные выше суждения следует рассматривать с критической точки зрения.

Так, А. Д. Чернявский предлагает в качестве психического насилия «рассматривать общественно опасное, принудительное, прямое или опосредованное воздействие на человека или группы людей, выраженное в угрозе причинить какие-либо лишения физического, морального, материального или иного свойства» [6, с. 11].

Заслуживает внимание предложение Ф. Б. Гребенкина, что под психическим насилием нужно понимать «информационное воздействие на психическую деятельность человека раз-

нообразными способами, которые могут вызвать у него разнообразные эмоции, такие как гипнотическое состояние, состояние страха или угнетение его воли, что способно ограничить способность к свободному самовыражению» [7, с. 9].

Исследуя психическое насилие, отметим наличие разнообразных терминологических обозначений, в числе которых психическое воздействие и психическое принуждение.

Некоторые авторы определяют психическое принуждение как насильственное воздействие на человеческую психику и данное воздействие возможно осуществить двумя основными способами:

- воздействие, непосредственно направленное на бессознательную сторону психической деятельности человека (например, с применением гипноза, электронной стимуляции мозга и т. п.);

- информационное воздействие, при котором виновный угрожает причинением вреда объектам, находящимся под уголовно-правовой охраной [8, с. 7].

Обратимся к проблеме соотношения понятий «угроза», «принуждение» и «понууждение». Данные понятия имеют различную трактовку в научном мире.

Выводы ряда ученых основываются на предположении, что при понуждении потерпевший может проявить волю, тогда как при принуждении воля потерпевшего полностью игнорируется и возможность выбора действия этим лицом сведена до минимума. Также, несмотря на большое сходство, данные понятия тождественными не являются, так как при анализе уголовно-правовых норм законодатель употребляет их как совершенно самостоятельные и отличные друг от друга. Другие ученые в своих теоретических исследованиях отмечают, что суть указанных понятий одинакова либо рассматривают их в качестве синонимов [9, с. 115–116].

С данными выводами согласиться не можем, так как «принуждение» и «понууждение» хоть и являются однокоренными словами, но содержательная характеристика данных категорий различна. Только осуществляя воздействие на волю потерпевшего, можно принудить лицо совершить что-либо без его согласия. Кроме того, рассматривать данные понятия в качестве синонимов ошибочно. Это связано с тем, что законодатель придает различную смысловую нагрузку данным терминам при указании в разных составах преступлений.

В свою очередь, понуждение совершается без применения насилия, при котором виновный также воздействует на волю потерпевшего, но не применяет при этом насилие или угрозы насилием, а использует иные способы воздействия, например, шантаж, угрозы имущественного характера либо различные виды зависимости потерпевшего.

Ряд авторов указывают на то, что понятие «понууждение» является более широким, чем понятие «принуждение», и не включает в себя такие методы воздействия, которые связаны с насилием, например, обман, подкуп и т. д. Таким образом, понуждение (принуждение) определено как «насильственное информационное воздействие на свободу лица с целью заставить потерпевшего совершить нежелательные для него действия либо бездействия в интересах понуждающего» [10, с. 9].

Позволим не согласиться с обозначенным мнением, поскольку «принуждение может использоваться для изменения поведения человека в пользу принуждающей стороны и принуждение может осуществляться не только через информационное воздействие» [11, с. 85].

Подводя итог, обозначим следующее: термин «угроза» не тождествен смежным уголовно-правовым категориям «психическое насилие», «принуждение» и «понууждение». Изучение данного вопроса показало, что принуждение представляет собой противоправное информационное воздействие на человека, выражающееся в угрозе применения насилия. Понууждение также является противозаконным информационным воздействием на потерпевшего, но может включать в себя любые угрозы.

Список литературы

1. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юрид. лит., 1974. С. 3.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 88.
3. Шпаковский С. Н. Насилие как уголовно-правовая категория // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием: Межвуз. сб. науч. тр. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1996. С. 34–35.
4. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 20.
5. Кизилов А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002. С. 65.
6. Чернявский А. Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1991. С. 11.
7. Гребенкин Ф. Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. С. 9.
8. Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь. 2004. С. 7.
9. Радостева Ю. В. Уголовно-правовое понятие насилия: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2006. С. 115–116.
10. Иванов В. Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1986. С. 9.
11. Шмыгина О. В. Теоретические аспекты понятий «принуждение» и «понуждение» // Вестник Сиб. ун-та потреб. кооперации. 2018. № 3 (25). С. 84–86.

References

1. Gaukhman L. D. Violence as a means of committing a crime. Moscow, Yurid. lit. publ., 1974, p. 3. (in Russ.)
2. Foynitsky I. Ya. The course of criminal law is a Special Part. Personal and property encroachments. St. Petersburg, 1912, p. 88. (in Russ.)
3. Shpakovsky S. N. Violence as a criminal legal category. In: *Socio-legal problems of combating violence: interuniversity collection of scientific research*. Omsk, 1996, pp. 34–35. (in Russ.)
4. Sharapov R. D. Physical violence in criminal law. St. Petersburg, 2001, p. 20. (in Russ.)
5. Kizilov A. Yu. Criminal law protection of managerial activities of government representatives. Ulyanovsk, 2002, p. 65. (in Russ.)
6. Chernyavsky A. D. Mental violence in the commission of mercenary crimes: criminal law and criminological problems: Abstract. ... Cand. Jurid. Sciences: 12. Moscow, 1991. (in Russ.)
7. Grebenkin F. B. The criminal legal significance of mental violence in crimes against property: Abstract. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.08. Moscow, 2004, p. 9. (in Russ.)
8. Korostylev O. I. Criminal and legal characteristics of the threat: Dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.08. Stavropol, 2004, p. 7. (in Russ.)
9. Radosteva Yu. V. The criminal law concept of violence: Dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.08. Yekaterinburg, 2006, p. 115–116. (in Russ.)
10. Ivanov V. F. Criminal law assessment of coercion: Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Saratov, 1986, p. 9. (in Russ.)
11. Shmygina O. V. Theoretical aspects of the concepts of “coercion” and “coercion”. *Bulletin of the Siberian University of Consumer. cooperation*, 2018, no. 3 (25), pp. 84–86. (in Russ.)

Информация об авторах

Боровских Роман Николаевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Шмыгина Ольга Валерьевна, старший преподаватель Сибирского университета потребительской кооперации

Information about the Authors

Roman N. Borovskikh, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Olga V. Shmygina, Senior Lecturer, Siberian University of Consumer Cooperation (SibUPK) (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 02.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 02.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 343.7

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-71-75

Рейдерство: уголовно-правовой аспект

Виктория Маратовна Кочедыкова

Челябинский государственный университет

Челябинск, Россия

v.koched@mail.ru

Аннотация

В работе исследуется рейдерство как противоправное деяние. Констатируется, что рейдерство в настоящее время имеет существенную криминальную составляющую. Отсутствие в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации статьи, предусматривающей дифференцированные санкции за такой вид противоправного деяния, как рейдерский захват, порождает определенные проблемы при квалификации данного деяния. В статье выявляются эти проблемы, предлагаются пути их решения. Также анализируются проблемы, возникающие на этапе расследования преступлений, связанных с рейдерскими захватами. Обосновывается необходимость введения в Уголовный кодекс Российской Федерации отдельной статьи, предусматривающей наказание за данное противоправное деяние. Автор считает возможным выделить рейдерство отдельным составом уголовно наказуемого деяния, создав отдельную статью Уголовного кодекса Российской Федерации «Рейдерский захват», определив его как незаконное установление контроля над юридическим лицом.

Ключевые слова

рейдерство, уголовно-правовой аспект, преступность, состав преступления, антирейдерское законодательство, собственность

Для цитирования

Кочедыкова В. М. Рейдерство: уголовно-правовой аспект // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 71–75. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-71-75

Raiding: Criminal Legal Aspect

Victoria M. Kochedykova

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

v.koched@mail.ru

Abstract

The work examines raiding as a criminal act. It is assessed that raiding currently has a significant criminal component. The absence in the current Criminal Code of the Russian Federation of an article providing for differentiated sanctions for such a type of crime as raider seizure gives rise to certain problems in classifying this crime. The article identifies these problems and suggests ways to solve these problems. Also, problems arising at the stage of investigation of crimes related to raider takeovers are identified. The necessity of introducing a separate article into the Criminal Code of the Russian Federation providing punishment for this criminal act is substantiated. Having examined the state of legislation, the author considers it possible to distinguish raiding as a separate criminal offense, creating a separate article of the Criminal Code of the Russian Federation "Raider seizure", defining it as an unlawful seizure of a business or an encroachment on entrepreneurial activity.

Keywords

Raiding, criminal legal aspect, crime, corpus delicti, anti-raiding legislation, property

© Кочедыкова В. М., 2024

For citation

Kochedykova V. M. Raiding: Criminal Legal Aspect. Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 71–75. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-71-75

Ключевые задачи, связанные с обеспечением безопасности экономической деятельности, закреплены в утвержденной президентским Указом № 208 от 13.05.2017, рассчитанной до 2030 г. «Стратегии экономической безопасности РФ». Так, в соответствии с нормами п. 2 ст. 22 Стратегии, в число указанных задач входит предупреждение и пресечение различных общественно опасных деяний, совершаемых в экономической сфере, в том числе так называемых рейдерских захватов. При этом противодействие подобным видам деяний связано на данный момент с серьезными затруднениями.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в нашей стране в последние годы экономическая преступность постоянно развивается как в количественных показателях, так и с точки зрения изощренности преступных методов и средств. Злоумышленники нарушают права и интересы законных владельцев, пользуясь тем, что состав такого противоправного деяния, как рейдерский захват, в нормах отечественного уголовного законодательства не предусмотрен.

Таким образом, анализ вопросов, связанных с квалификацией соответствующих деяний, требует рассмотрения самого понятия рейдерского захвата.

В одной из работ А. Ю. Фёдорова приводится наиболее точное и полное определение исследуемого вида преступления – автор определяет его как уголовное правонарушение, подразумевающее установление контроля над юридическим лицом против воли законных владельцев посредством приобретения противозаконным путем права владения (пользования, распоряжения) принадлежащими предприятию активами (полностью или частично) или долями учредителей в уставном капитале (либо акциями с правом голоса, если речь идет об акционерных обществах), что связано не только с нарушением прав и интересов законных владельцев, но также с угрозой правопорядку в обществе и государстве в целом [1, с. 28].

Наиболее характерными признаками рассматриваемого деяния принято считать такие, как противозаконный характер содеянного, посягательство на права и интересы юридических лиц, противозаконное отчуждение имущества (имущественных прав), а также права на управление и т. д.

Преступные результаты в рассматриваемом случае достигаются с помощью различных средств и методов, что обуславливает необходимость разграничения составов преступления, которые условно могут подразделяться на следующие категории.

1. Преступления против личности. Наиболее распространенные – это вымогательство, принуждение к сделке, принуждение к отказу от сделки (ст. 179 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Применяемое насилие может быть квалифицировано по разным составам преступления, в зависимости от наступившего результата (ст. 105, 111, 112, 115 УК РФ).

2. Преступления против собственности, являющиеся наиболее распространенными. Для рейдерства характерно получение имущественного комплекса путем обмана и злоупотребления доверием, которые могут привести также к незаконному переходу права управления юридическим лицом. Квалифицируются по статье 159 УК РФ.

3. Преступления в сфере экономической деятельности. В УК РФ федеральными законами от 30.10.2009 №241-ФЗ, от 01.07.2010 №147-ФЗ, от 07.12.2011 №419-ФЗ введена группа норм (ст. 170.1, 173.1, 173.2, 185.2, 185.4, 185.5, 285.3), устанавливающих ответственность за действия, способствующие осуществлению рейдерского захвата. Также в эту группу входят пре-

ступления, совершаемые при выводе активов из предприятия, квалифицируемые по ст. 195–197 УК РФ.

По результатам анализа действующих норм УК РФ можно прийти к выводу о наличии определенных законодательных пробелов в отношении противодействия рейдерским захватам и несоответствии законодательства фактической криминальной ситуации. Прежде всего ответственность за рейдерский захват отечественным законодателем вообще не предусмотрена, что, в целом, снижает возможности правоохранительных органов в борьбе с преступлениями по противозаконному отчуждению имущества и имущественных прав юридических лиц и не позволяет разработать комплекс мер противодействия подобным преступлениям. В нормах УК РФ предусматривается ответственность лишь за некоторые, совершаемые в рамках рейдерского захвата, действия, тогда как само противоправное отчуждение имущества и контроля над предприятием, как конечный результат указанных действий, законодателем не рассматривается и не оценивается. Подобная «выборочная» ответственность за преступные действия рейдеров не позволяет создать целостную систему противодействия, поскольку само противоправное деяние не рассматривается как единая система.

Вместе с тем, хотя ныне действующая система квалификации соответствующих преступлений очевидно нуждается в совершенствовании, ряд специалистов полагает нецелесообразным введение соответствующей самостоятельной нормы в УК РФ.

Так, против введения отдельной нормы, предусматривающей наказание за рейдерский захват, высказывается в своих работах А. В. Алехина, которая в качестве обоснования своей точки зрения указывает на интенсивное развитие методов и средств экономической преступности, отмечая, что с течением времени средства и методы реализации рейдерского захвата существенно изменились, интеллектуальные способы совершения преступления всё больше вытесняют силовые, что ограничивает законодателя в разработке универсальной уголовно-правовой нормы, соответствующей актуальным социальным запросам и потребностям и способной соответствовать им в долгосрочной перспективе. На текущем этапе рейдерство, как указывает автор, совершается последовательно и представляет собой целый комплекс действий; при этом ответственность за такие действия уже предусмотрена нормами УК РФ, а объединение этих норм на данный момент не представляется целесообразным [2, с. 212].

С другой стороны, некоторые специалисты выделяют в рассматриваемой сфере следующие недоработки законодательства.

1. Уголовное законодательство не охватывает в полной мере все связанные с рейдерским захватом противозаконные действия;
2. Действующие нормы УК РФ не учитывают всех особенностей преступных деяний данной категории [3, с. 9].

А. Н. Харитонов считает, что существует необходимость осуществления ряда политических, организационных, социально-экономических, законодательных и иных мер, направленных на противодействие рейдерству, снижение числа корпоративных конфликтов, защиту прав и законных интересов инвесторов. Такие меры должны носить комплексный, межотраслевой характер и учитывать охранительные и регулятивные возможности не только гражданско-правовых отраслей права, но и права отраслей криминального цикла, в том числе уголовного права [4, с. 69].

Проблема в том, что в настоящее время на практике рейдерские захваты объектов чужой собственности, предприятий и их имущества нередко квалифицируются по статьям 330 («Самоуправство»), 159 («Мошенничество»), 210 («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»), 163 («Вымогательство»), 183 («Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»), 179 («Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения») УК РФ [5, с. 81].

Среди преступлений рассматриваемой категории, как свидетельствуют результаты анализа судебной практики, широко распространены рейдерские захваты земельных участков и других объектов недвижимости. Таким образом, одним из криминализирующих признаков таких деяний может быть выделен приводящий к противозаконному переходу права собственности захват недвижимого имущества.

Учитывая, что основной объект преступного посягательства в рассматриваемом случае не всегда полностью соответствует критериям имущественного или производственного комплекса, квалифицирующие признаки иных деяний не во всех случаях применимы к рейдерскому захвату бизнес-объектов. Обычно в совершаемых злоумышленниками действиях нельзя усмотреть признаки наличия соответствующего умысла (как прямого, так и косвенного); действия рейдера имеют непосредственной целью либо завладение имуществом предприятия или его учредительной документацией (акциями) завладение бизнесом, либо прекращение соответствующим субъектом предпринимательской деятельности. Правовое определение рассматриваемого деяния возможно только при корректном определении объекта посягательства. В том случае, если объектом является имущество потерпевшего, то преступление, по самой юридической природе, следует отнести к посягательствам на собственность; рейдерством оно признается в том случае, если цель содеянного состоит в незаконном завладении бизнесом. Квалификация преступлений невозможна без правильного определения объекта посягательства, позволяющего разграничить сходные деяния [6, с. 26].

В судебной практике действия рейдеров чаще всего квалифицируются в соответствии с нормами ст. 159 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество; наказание, в соответствии с диспозицией данной нормы, назначается за присвоение имущества, принадлежащего другому лицу, посредством обмана (злоупотребления доверием). В данном случае преступник посягает на общественные отношения, связанные с любыми формами собственности, а также на имущество и имущественные права потерпевшего. При этом законодатель не приводит определения термина «имущество», отсылая к другим нормам действующего законодательства. Вместе с тем потерпевший при совершении рейдерского захвата не просто утрачивает свое имущество – он теряет прибыльный бизнес, что означает не единовременные, а регулярные потери в виде дохода от предприятия. Отсюда следует проблема определения стоимости захваченного имущества, так как определение рыночной стоимости исключительно захваченного имущества, на момент совершения преступления, является не корректным, так как фактически рейдерскому захвату подвергся весь бизнес в целом. Цель рейдерства заключается в установлении контроля над компанией, а приобретение ее имущества лишь средство достижения цели.

По результатам исследования можно прийти к следующим выводам.

1. Современные ученые придерживаются различных позиций в отношении необходимости криминализации рейдерского захвата и введения в УК РФ соответствующей статьи: одни авторы приводят аргументы в пользу введения такой нормы, другие же выступают против данной инновации.

2. Наиболее значимые проблемы, связанные с квалификацией деяний, относящихся к рассматриваемой категории, – это затруднения при выявлении объекта и предмета преступного посягательства, определение стоимости объекта, подвергшегося незаконному отчуждению, а также установление квалифицирующих признаков.

Проведенное исследование подтверждает и обосновывает необходимость введения в УК РФ отдельной статьи, предусматривающей дифференцированные санкции за такой вид противоправного деяния, как рейдерский захват, что позволит избежать квалификации отдельных действий рейдеров, которые осуществляются ими для достижения желаемого результата, по разным уголовным составам.

Список литературы

1. **Федоров А. Ю.** Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия): Моногр. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 38.
2. **Алехина А. В.** Криминальное рейдерство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2013. С. 210.
3. **Соловьев А. А.** Правовые основы противодействия рейдерству // Юрист. 2011. № 1. С. 8–14.
4. **Харитонов А. Н.** Проблемы совершенствования уголовной ответственности за рейдерство // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 3. С. 66–75.
5. **Герасименко В. А.** Рейдерство – преступление или преступность // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 79–90.
6. **Андреева Л. А.** Рейдерство (уголовный и административно-правовой аспекты) // Казанская наука. 2011. № 5. С. 26–30.

References

1. **Fedorov A. Yu.** Raiding and corporate blackmail (organizational and legal countermeasures): Monograph. Moscow, Wolters Kluwer publ., 2010, pp. 38.
2. **Alekhina A. V.** Criminal raiding: criminal legal and criminological aspects: dissertation ... Ph.D. legal Sciences: 12.00.08. Nizhny Novgorod, 2013, pp. 210.
3. **Solovyov A. A.** Legal principles of counteracting raiding. Lawyer, 2011, no. 1, pp. 8–14.
4. **Kharitonov A. N.** Problems of improving criminal liability for raiding. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2014, no. 3, pp. 66–75.
5. **Gerasimenko V. A.** Raiding - a crime or delinquency. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences*, 2015, vol. 1 (67), no. 3, pp. 79–90.
6. **Andreeva L. A.** Raiding (criminal and administrative-legal aspects). *Kazan Science*, 2011, no. 5, pp. 26–30.

Информация об авторе

Кочедыкова Виктория Маратовна, аспирант, юрист

Information about the Author

Victoria M. Kochedykova, Graduate Student, Lawyer

*Статья поступила в редакцию 02.12.2023;
одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 02.12.2023;
approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 07.03.2024*

Научная статья

УДК 343.9.01

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-76-82

Криминальный сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте»: криминологический анализ

Алена Алексеевна Шпак

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

alena-shpak-2016@mail.ru

Аннотация

В данной статье представлен криминологический взгляд на криминальный сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте». Данный сериал демонстрирует романтизацию преступной жизни и имеющиеся в ней перспективы. Основной сюжет фильма состоит в разложении государства и общества, а также отдельных граждан, имеющих высокий материальный достаток, полученный в результате духовной деградации. Особую опасность сериал представляет для молодежи, находящейся в состоянии юношеского максимализма, которая может романтизировать бандитскую деятельность и в последующем встать на преступный путь. Представляется, что сериал – некий аналог пропаганды западной культуры, которая имеет идеологию нигилизма, вседозволенности, что ведет к духовной деградации личности.

Ключевые слова

молодежь, криминальный сериал, криминологический анализ, «Слово пацана. Кровь на асфальте», криминалитет, общественное правосудие, самосуд, нигилизм

Для цитирования

Шпак А. А. Криминальный сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте»: криминологический анализ // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 76–82. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-76-82

The Crime Series «The Word of a Kid. Blood on the asphalt»: Criminological Analysis

Alena A. Shpak

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
Omsk, Russian Federation

alena-shpak-2016@mail.ru

Annotation

This article presents a criminological view of the crime series «The Word of a Kid. Blood on the asphalt». This series demonstrates the romanticization of criminal life and the prospects available in it. The main plot of the film is the decomposition of the state and society, as well as individual citizens with high material wealth, resulting from spiritual degradation. The series is particularly dangerous for young people who are in a state of youthful maximalism, who can romanticize gang activity, and subsequently embark on a criminal path. It seems that the series is a kind of analogue of the propaganda of Western culture, which has an ideology of nihilism, permissiveness, which leads to the spiritual degradation of the individual.

Keywords

Youth, crime series, criminological analysis, «The Word of a Kid. Blood on the asphalt», criminality, community justice, lynching, nihilism

© Шпак А. А., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1

For citation

Shpak A. A. Crime series @The Word of a Kid. Blood on the asphalt@: criminological analysis // *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 76–82. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-76-82

Криминальный сериал в настоящее время с идеологической точки зрения содержания и воздействия на сознание граждан и в особенности молодежи имеет, бесспорно, негативную оценку. Сериал не имеет поучительную цель, а наоборот, показывает, как обычный подросток может превратиться в преступника, вставая на криминальный путь в результате нахождения в криминальной среде.

Криминальные сериалы способствуют всеобщей криминализации общества, которая ведет к общественно опасному явлению – деградации. Справедливо указывает М. П. Клейменов, что «в криминализации фокусируются, концентрируются процессы культурной инволюции, а точнее сказать, вспышки культурной мутации» [1, с. 21].

Таким образом, поведение человека обусловлено разными социальными и биологическими факторами, тогда как культура является его мощнейшей детерминантой. Человек не только творит, созидает культуру, но и находится под постоянным влиянием своего творения [2, с. 178].

Следовательно, можно отметить, что медиапространство серьезно влияет на поведение современного человека, в том числе и на преступное поведение, а деструктивные влияния средств массовой информации выступают важнейшей проблемой в современной России.

Существует множество примеров преступлений, совершенных на почве подражания какому-либо киногероям, историческим личностям, блогерам и т. д. Людям нравится романтизировать бандитов и разбойников. Искусство превращает преступников в благородных борцов за справедливость, протестующих против несовершенства общества.

Не так давно сериал «Бригада» являлся одним из многочисленных примеров романтизации преступного мира. После выхода сериала у многих подростков появились новые кумиры в стильных «прикидах» на черных «мерседесах». Образы преступников оказались слишком привлекательными для молодежи, в результате чего криминальный сериал стал культовым, а у молодежи возникли мечты стать бандитами.

В октябре 2023 г. на экраны выходит «один из главных кинопроектов года»: «Слово пацана. Кровь на асфальте». Он рассказывает историю деятельности «пацанских банд» в Казани в конце восьмидесятых годов двадцатого столетия.

Следует отметить, что в конце 1970-х гг. в Казани появляются первые упоминания в средствах массовой информации о подростковых бандах («казанские моталки»), которые организовывали террор по отношению к местным жителям, забивая их арматурой на улицах города.

Уже позже, в 90-е гг., появляются устойчивые казанские преступные группировки, которые упоминаются в научных трудах современных ученых [3].

Основной сюжет фильма «Слово пацана. Кровь на асфальте» состоит в разложении государства и общества, а также отдельных граждан, имеющих высокий материальный достаток, полученный в результате духовной деградации. Особую опасность сериал представляет для молодежи, находящейся в состоянии юношеского максимализма, которая может романтизировать бандитскую деятельность и в последующем встать на преступный путь.

Герои «Слова пацана» представляют собой людей общественно опасных, с антиобщественными взглядами, отчужденных от ценностей общества, агрессивных, импульсивных, склонных действовать по первому побуждению без раздумий, применяющих насилие. Как правильно считает В. И. Езикян, на возникновение агрессивных мотивов могут оказывать влияние разнообразные потребности социального характера, к которым следует отнести самоутверждение, сохранение или повышение статуса, престижа, превосходства над окружающими [4, с. 56].

В качестве главных героев сериалов выступают не просто несовершеннолетние преступники, а субъекты, имеющие определенные, четко установленные ценности, взгляды, установки, которые ориентируют на совершение тяжких преступлений. В сериале прослеживается целевая установка, направленная на материальное обеспечение личности с использованием преступных средств для достижения цели [5, с. 40]. В фильме показан настоящий клан, банда, в которой присутствуют циничные подростки, потерявшие нравственный устои.

Сюжет сериала включает в себя особенности криминальной субкультуры, состоящей в использовании жаргонизированного языка, прозвищ главных героев, а также определенных криминальных концепций и принципов.

Криминальный сериал показывает разделение общества, существующего по «законам зоны», на преступных лидеров (организаторов) и исполнителей совершения преступления. Экранные герои в криминальном сериале учат молодежь, как нужно жить в обществе, а именно: грабить, убивать, решать проблемы с помощью физической силы. Все криминальные действия прикрыты романтичным и благородным образом героя, которому симпатизируют граждане [6, с. 53].

В политических Telegram-каналах начали заявлять, что «Слово пацана. Кровь на асфальте» представляет угрозу безопасности для России. Данный сериал романтизирует криминальные движения среди молодежи, навязывает им мнение о том, что жить по «законам улицы – круто». Следовательно, может привести к массовому возникновению организованных преступных сообществ.

Глава Татарстана Рустам Минниханов потребовал запретить «Слово пацана. Кровь на асфальте» потому, что в нем «романтизируется появление подростковых банд». «Мы это проходили, и мы не имеем права допустить повторения событий прошлого. И вообще, мы должны отреагировать на такие сюжеты, такие фильмы», – сказал Минниханов, добавив, что мнение властей республики должно быть доведено до руководства страны¹.

В Татарстане подростки начали подражать героям «Слово пацана» и делить территории. Молодые люди создали соответствующие Telegram-каналы, которые назвали в честь двух известных в столице Татарстана организованных преступных групп. В этих каналах подростки назначают «стрелки», объявляют общие сборы и даже делят районы на картах. При этом парни еще и снимают видео драк, на которые накладывают музыку из сериала, а затем делятся в мессенджере итогами своей «деятельности».

Ирина Волынец, детский омбудсмен Татарстана, обратилась в Роскомнадзор с требованием проверить сериал на соответствие Указу по укреплению духовных ценностей. Действительно, мы становимся свидетелями того, как дети начинают подражать героям фильма, а информацию о данных событиях, происходящих уже в эти дни, легко найти в сети «Интернет». Мы наблюдаем, как средствами искусства через данный фильм идет распространение преступной идеологии, подростки создают группы и совершают противоправные действия, транслируемые в фильме.

Следует обратиться к криминальной хронике: например, в Иркутске произошло столкновение между двумя группами подростков, в ходе которого был убит несовершеннолетний. Подростку нанесли ножевые ранения после вопроса «с какого ты района, чушпан?». Эта ситуация доказывает влияние криминального сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте» на преступное поведение подростков, потому что в нем присутствует данная преступная лексика. В результате было возбуждено уголовное дело по факту убийства 15-летнего подростка по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

¹ Ильяна О. Глава Татарстана раскритиковал сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» // Рос. газета. 2023. 13 дек.

Полагаем, что важную мотивацию поведения человека имеют влечения, эмоции и чувства, под которыми понимаются труднорегулируемые личностные проявления (стремления), чаще всего органического (биологического) характера.

Внешность героев, их пафосная «крутость», свобода действий, беспредел и вседозволенность молодых людей создает преступный образ, который привлекает молодежь, и отрицательному герою стараются подражать, людям нравится власть.

Психологическая характеристика преступника представлена антиобщественными взглядами, отчуждением от ценностей общества, использованием насилия в качестве средства для решения конфликтов, несоблюдением морально-нравственных норм, агрессивностью, импульсивностью, повышенной уязвимостью в межличностных отношениях.

Бесспорно, часть общества (особенно молодежь) склонна идеализировать бандитов. Романтизация бандитов является психологическим синдромом, происходящим в современном обществе, когда благодаря ему граждане готовы не только принимать противоправные действия, связанные с совершением преступления, жестокостью, насилием, но и следовать преступным традициям.

Сегодня можно констатировать неконтролируемое представление разных информационных сведений зрителям в ходе показа фильмов, а также полное отсутствие контроля над киноиндустрией. В результате происходит отрицательное воздействие на формирование нравственных ценностей молодежи. Следует отметить, что формирование личности идет с момента взросления ребенка в зависимости от той социальной среды, где он находится. В ходе негативного влияния среды и условий жизни подростка может сформироваться личность преступника, совершающего преступления [7, с. 38].

Массовая культура, представленная на телевидении, в Интернете, пропагандирует криминальный образ и стиль жизни, а также способствует формированию нигилизма и негативного отношения к правовым нормам и, соответственно, нежеланию их соблюдать.

Значительные пробелы в правовых знаниях несовершеннолетних приводят их к рассуждениям о том, что законы являются несправедливыми [8, с. 248].

В результате негативных процессов видоизменяются традиционные системы ценностей и стандарты социальных оценок меняются: жестокий, успешный, находчивый, богатый человек становится модальным типом личности. Такие качества, как честность, интеллект, образование и культура, не только не престижны, но и презируются значительной частью молодежи.

Таким образом, происходит формирование личности преступника, представляющего собой социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические, социально-ролевые признаки, которые во взаимодействии с обстоятельствами социальной среды проявляют себя при совершении лицом преступления. В ходе формирования личности преступника происходит закрепление и усвоение человеком этих антиобщественных взглядов, а также своеобразного отношения к себе и окружающему его обществу [9, с. 64].

В основе поведения человека лежат определенные мотивы. Мотив – одна из важнейших составляющих личности. Мотив – это внутренний и субъективный смысл поведения, ради которого оно реализуется. Это не цель, это не задача, которую человек ставит перед собой, это смысл поведения.

Мотивация – это динамика мотивов, процесс возникновения, формирования, развития, изменения, постановки целей и принятия решений [10, с. 128]. Мотивы и мотивация тесно связаны между собой.

Основную роль в формировании мотивов преступного поведения играют потребности субъекта. Потребности человека отражают его зависимость от внешнего мира, потребность в чем-то.

Современные сериалы формируют мировоззрение человека: с духовной стороны либо обогащают его или, напротив, настраивают негативно. Бесспорно, кинематограф оказывает психологическое воздействие на человека. Если не противостоять этому идеологическому

и психологическому влиянию, которое проникает в сознание масс благодаря сериалам, романтизирующим криминальную среду, то начнется деградация общества, вследствие чего стоит ожидать увеличение случаев криминального поведения граждан.

Следует отметить, что Роскомнадзор в сериале «Слово пацана» не выявил каких-либо нарушений действующего законодательства РФ.

Однако отмена сериала «Слова пацана. Кровь на асфальте» никак не улучшит криминогенную ситуацию в стране. Мало того, сделает сериал еще более популярным. С данным сериалом нужно «работать» иным способом. Родители должны показывать своим детям сериал и на его примере объяснять, почему связываться с криминалом чревато последствиями. К тому же произведение само прекрасно справляется с этой задачей. Показывает, что один участник банды погибает в уличной драке, другой оказывается в реанимации, а третьего арестовывает милиция.

Актер Павел Майков, известный по роли в сериале «Бригада», поделился своими мыслями относительно сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте». По его мнению, агрессивное поведение подростков, направленное против окружающих, не связано с влиянием кинематографа, а является следствием недостатков в воспитании. Поэтому стоит в первую очередь обратить внимание родителей на своих детей. Нужно обеспечить молодое поколение достаточными знаниями об истории прошлых лет с пояснениями что хорошо и что плохо не только с точки зрения законодательства, но и с точки зрения моральных норм.

На сегодняшний момент отрывки из сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте» проникли во все платформы медиапространства, а именно: Вконтакте, Telegram-каналы, Instagram (запрещена в России), TikTok. Молодежь заражается, вдохновляется и влюбляется в героев сериала.

Молодые парни вдохновляются духом бандитизма, организацией группировок, посредством чего можно чувствовать свое превосходство над остальными людьми (обычными, «чушпанам»).

Молодые девушки влюбляются в героев. Они проводят параллели с современными молодыми людьми, которые «никчемны», которые не отвечают за свои слова и мечтают о парнях как из сериала, где молодые люди действительно не просто «говорят», но и «действуют» («пацан сказал – пацан сделал», «слово пацана» и т. д.).

Режиссер Никита Михалков назвал сериал мощной картиной, которая показывает то, что было на самом деле. Ответственность за воспитание детей он возложил на родителей: «Я говорю всё время и повторяю: нужно научиться говорить правду и слушать правду. И учиться на этом, а не говорить: “Что вы такое показываете детям?”»².

Следует, конечно, помнить о таком существовавшем факте, как бандитские формирования прошлых веков. Следует изучать данный феномен через призму криминологической науки и исследовать группировки не для того, чтобы идеализировать их, а чтобы восстановить историю начала истока бандитских формирований и уметь противодействовать преступным объединениям.

Если старшее поколение, образовательные учреждения не возьмутся за воспитание и объяснение действующих реалий из данного сериала для подростков, то молодые люди погрязнут в самостоятельном познании мира в медиапространстве, где будут понимать всю информацию субъективно. Данная ситуация может привести к деструктивным проявлениям в дальнейшем.

Представляется, что негативная ситуация может быть улучшена путем формирования государственного института цензуры средств массовой информации [11, с. 438]. Следует также обеспечить императивное юридическое консультирование при создании кино- и телевизионных программ.

² Михалков назвал огромной глупостью призывы запретить сериал «Слово пацана». URL: <https://tass.ru/kultura/19498945?ysclid=lq6tgb1vh8898659834> (дата обращения: 15.12.2023).

Список литературы

1. **Клейменов М. П.** Криминализация общества в России: культурологический аспект // Преступность и культура / Под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1999. 30 с.
2. **Бибик О. Н.** Культурологический подход в криминологии // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2010. № 3. С. 179–190.
3. **Галямов И. Г.** Проблемы борьбы с организованной преступностью: по материалам республики Татарстан: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998. 23 с.
4. **Езикаян В. И.** Криминология: Учеб. пособие. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2011. 159 с.
5. **Асатрян Х. А., Христюк А. А.** Характеристика личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2014. № 3. С. 40–48.
6. **Васильченко Д. Д.** Влияние современного кинематографа на социальное настроение студенческой молодежи (на примере студентов Курской области) // Научные исследования и разработки студентов: Сб. материалов Междунар. студ. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 53–54.
7. **Ембергенова Д.** Значение кинематографа в жизни человека // Богема. 2016. Т. 1, № 1(1). С. 38–42.
8. **Калашников И. В.** Современные тенденции взаимосвязи социальной среды и преступного поведения несовершеннолетних // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 7. С. 248–251.
9. **Иншаков С. М., Симоненко А. В.** Криминология: Учеб. пособие. М., 2013. 426 с.
10. **Антонян Ю. М., Эминов В. Е.** Личность преступника: криминологическое исследование. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 366 с.
11. **Клейменов М. П., Клейменов И. М.** Криминальные сериалы современной России: криминологический анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 4. С. 429–438.

References

1. **Kleimenov M. P.** Criminalization of society in Russia: cultural aspect // Crime and culture. Dolgova A. I. (Ed.). Moscow, Criminological Association publ., 1999. 30 p. (in Russ.)
2. **Bibik O. N.** Culturological approach in criminology. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*, 2010, no. 3, pp. 179–190. (in Russ.)
3. **Galyamov I. G.** Problems of combating organized crime: based on the materials of the Republic of Tatarstan: abstract. diss. for the Candidate of Sciences. Jurid. sciences'. Kazan, 1998, 23 p. (in Russ.)
4. **Yezikyan V. I.** Criminology: a textbook. Novocherkassk, YURSTU publ., 2011, 159 p. (in Russ.)
5. **Asatryan H. A., Hristyuk A. A.** Characteristics of the personality of a criminal engaged in organized criminal activity. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2014, no. 3, pp. 40–48. (in Russ.)
6. **Vasilchenko D. D.** The influence of modern cinema on the social mood of students (on the example of students of the Kursk region). In: *Scientific research and development of students: a collection of materials of the International student scientific and practical conference*. Cheboksary, 2016, pp. 53–54. (in Russ.)
7. **Embergenova D.** The importance of cinema in human life. *Bohemian*, 2016, vol. 1, no. 1(1), pp. 38–42. (in Russ.)
8. **Kalashnikov I. V.** Modern trends in the relationship between the social environment and criminal behavior of minors. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 7, pp. 248–251. (in Russ.)

9. **Inshakov S. M., Simonenko A. V.** Criminology: textbook. Moscow, 2013, 426 p. (in Russ.)
10. **Antonyan Yu. M., Eminov V. E.** The personality of the criminal: a criminological and psychological study. Moscow, Norm; Infra-M publ., 2010, 366 p. (in Russ.)
11. **Kleimenov M. P., Kleimenov I. M.** Crime series of modern Russia: criminological analysis. *All-Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 429–438. (in Russ.)

Информация об авторе

Шпак Алена Алексеевна, аспирант

Information about the Author

Alyona A. Shpak, PhD Student

*Статья поступила в редакцию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 07.03.2024*
*The article was submitted 29.01.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 07.03.2024*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК³.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год

³ См. онлайн-справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (*обязательно*), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. **Gladyshev S. I.** Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)

3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 639990, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru